

ОБРУЧЁННАЯ *мстью*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Таня Кель

Таня Кель

Обручённая мстью

<https://litres.ru/74663887>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жених уговорил меня сесть за него. Обещал, что дадут мало, что он дождётся. И я, дура, поверила.

Дали семь. Отсидела три с половиной. Он женился на другой, пока мама умирала одна.

На волю я вышла с судимостью и тремя коробками вещей. В одной нашёлся старый ноутбук, за который, как выяснилось, убивают. Отнести его можно было только одному человеку. Моро держит наш порт: без его слова там не двигается ни один груз.

Ему я и предложила на мне жениться.

Отдам ноутбук, побуду фиктивной женой, дождусь своей мести — и мы в расчёте.

Так я думала.

Правила брака он объявил первым же утром: тело можно, душу нельзя, никаких чувств.

— Пока ты прядешься за моей спиной, будешь слушать меня, девочка. Поняла?

— Слушать буду. Слушаться — нет.

— Посмотрим.

Ту дурочку, что подписывала не читая, я похоронила на зоне.
А жених и его хозяйева до сих пор видят во мне её.
Пусть смотрят.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	59
Глава 6	70
Глава 7	82
Глава 8	92
Глава 9	104
Глава 10	118
Глава 11	131
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Таня Кель

Обручённая местью

Глава 1

Ника

Сегодня или день моих похорон, или...

Мысль я додумать не успела. Мои ноги сами привели сюда, потому что мозг за пару часов до этого всё уже выстроил. Поэтому сейчас я двигалась почти на автомате.

Повернув одной рукой латунный ключ, я постаралась сделать так, чтобы ничего не съехало с подноса. А там было чему съезжать. Одна бутылка стоила как год моей жизни.

— Дверь-то зачем закрывать? — послышался из глубины ложи низкий голос, в котором сквозила лёгкая ленца.

— Нам никто не должен помешать, — тихо ответила я и попыталась унять бившую меня дрожь.

Эта ВИП-зона была для богатеньких. Обставлена дорогой мебелью, а вместо стены — стекло, за которым развлекалась подвыпившая толпа. Отсюда прекрасный вид на выгибающихся девушек на шестах, да и значительно тише, чем снаружи, не так дрожал пол под ногами от басов. Никто не видел, что находилось в ложе: для всех это лишь огромное зеркало.

Придя сюда, я первым делом поискала глазами, куда бежать в случае чего. Но, на мою беду, выходов здесь особо не было. Значит, буду идти до конца.

Сглотнув, я пошла вглубь комнаты, тускло освещённой лампами.

И уже через мгновение столкнулась с его взглядом. Он сидел на диване, раскинув руки на спинку, и казалось, что вся мебель ему здесь не по размеру, потому что он был огромным. Из-под закатанных рукавов выползали чёрными змеями татуировки. Почти до костяшек, по которым сейчас летала стёртая монета. Она так не вязалась со всем его богатым образом. Особенно смешно смотрелась рядом с дорогушими часами.

Все в этом городе звали его Моро, но я нигде не нашла настоящего имени. Да это и неважно. Хоть демоном пусть называют.

Я никак не могла перестать на него смотреть из-за этих почти прозрачных глаз, что сейчас уставились на меня и не мигали. На смуглом лице они особо ярко выделялись. Мне всё же удалось разглядеть остальное: тяжёлую челюсть, тёмные волосы с проседью на висках. И вот это необычно, потому что выглядел Моро достаточно молодо.

Я хотела хоть что-то понять по его лицу, но оно было непрошибаемым. И от этого колотило ещё сильнее, потому что я не знала, то ли он меня застрелит, то ли выслушает.

— Новенькая? — пробасил он. — Где Лика?

Я поставила поднос на стол и ответила:

— Она заболела.

Конечно же, я врала. Эта девушка сейчас ехала в такси с конвертом денег, что я ей дала. Последние наскребла на это. И я отчаянно надеялась, что она не вернётся.

Поскольку мои руки освободились, я не знала, что с ними делать, поэтому сцепила их за спиной, как на построении.

— Начинай, — бросил Моро, откинувшись на диване и вытянув ноги. — Раз ты сегодня заменяешь Лику, покажи, за что ей платят, девочка.

Метнув взгляд за стекло, я увидела, как снаружи гуттаперчево выгибалась танцовщица, доставая волосами до пола. Наверное, от меня он ждал такого же, и мне стоило просто сделать пару движений, чтобы уйти отсюда с деньгами, да ещё живой. Но я пришла не за этим.

Шагнув к нему, я оказалась так близко, что наши колени почти соприкоснулись. Мне было до одури страшно, и внутри всё клокотало, однако я продолжала смотреть на Моро, сгребая по углам остатки храбрости.

Монета, что порхала у него между пальцами, замерла, как и он сам. Все его мышцы напряглись.

— Я пришла, чтобы предложить сделку. Женитесь на мне, — выпалила я.

Другой бы рассмеялся или хотя бы удивился, но не Моро. Он молча завёл одну руку себе за спину и неторопливо достал пистолет. Ствол тут же уставился в мой живот.

— Повтори, — тихо произнёс мужчина.

— Женитесь на мне.

— Ты кто такая?

— У меня есть то, что вам нужно.

— Будем клещами вынимать из тебя слова? У всех женщин есть, что мне нужно. Я за это и плачу.

Вдохнув, я закрыла глаза и выпалила:

— У меня есть бумаги на человека, который лезет в ваш порт.

Моро встал, и я по инерции шагнула назад. А он не остановился. И эта громадина надвигалась, пугая широким разворотом плеч. Мой взгляд уловил лёгкую хромоту, которая была почти не видна. Мы так медленно двигались, пока я не упёрлась спиной в стекло. Он тут же навис надо мной и вблизи казался намного выше, чем я думала, да так, что пришлось задрать голову. В нос врезался запах дорогого одеколона и табака.

Но всё это ничто по сравнению с тем, как Моро смотрел. От одного этого можно окаменеть. Как удав на мышь.

Ствол не спеша пополз от живота к подбородку и там упёрся в челюсть, отчего я ещё больше подняла голову, а затылок был крепко прижат к стеклу.

Я старалась дышать спокойно, но тело предавало, и воздух выходил рывками. В висках барабанило. Хотелось замуриться и убежать. Или на крайний случай отмотать назад, чтобы просто станцевать для него и забыть об этой ночи.

Сейчас же, чтобы не смотреть в эти глаза, я упёрлась взглядом в его щетину и кадык. Сжимала и разжимала вспо-тевшие ладошки.

— Кто прислал? — тихо спросил Моро, чуть наклонив голову.

— Н-никто, — дрогнул мой голос.

В своём изначальном плане я была смелее.

— Так не бывает, девочка, — протянул он.

— В моём случае бывает.

Мне бы рассказать ему всё, не сбиваясь, но мысли путались, а язык присох к нёбу.

— Кто пустил?

— Пройти сюда не составило труда.

— В таком случае завтра у меня будет на одного охранника меньше.

На мгновение мне даже стало жалко того парня за дверью. Но все эти чувства рассыпались в прах в конвульсиях моего страха.

— Имя, — бросил Моро.

— Моё?

— Твоё мне не нужно сейчас. Того, на кого у тебя бумаги.

— Оно вам прекрасно известно, — хрипло ответила я. — Он сидит в столице, а лазает у вас здесь жуком с разными фамилиями.

Моро приподнял вторую руку, и монета с удвоенной силой полетела по костяшкам.

— Аркадий Львович, — протянул он недобро.

Моё молчание было красноречивым, а дуло впилося в меня сильнее. Но через секунду ствол пошёл гулять дальше. Моро двигал им аккуратно, едва касаясь моей кожи. Я чувствовала его у виска, а потом у уха, затем он спустился по шее и снова поднялся к губам. Там и застыл. Меня же всю трясло как осиновый лист. И даже уже скрывать это не получалось. Я ощущала, что стоит мне дёрнуться, как моя жизнь в секунду оборвётся. И это хождение по лезвию всё время выбрасывало в кровь адреналин волнами.

Взгляд Моро отлепился от моих глаз и ушёл вслед за стволом. А затем скользнул по всему моему телу. Я знала, что сейчас выглядела дешёво и доступно. Одежду позаимствовала у той девушки. Сверху на мне был чёрный стягивающий корсет, а внизу юбка, которую скорее можно назвать поясом. И развратные чулки, специально, чтобы будоражить мужскую фантазию. За последние годы меня осталось не так уж много, но то, что сохранилось в этом костюме, выглядело довольно неплохо. Единственное, с чем пришлось побороться, так это с волосами. Их я зализала гелем назад, чтобы короткая стрижка легла стильно и никто не понял, откуда она у меня на самом деле.

Судя по тому, как Моро меня рассматривал, думаю, он прикидывал, как я буду выглядеть голой. А когда его глаза снова поднялись, увидела, что он ждал, что я растекусь перед ним лужицей, как делали все женщины, что его окружа-

ли. Наверное, они даже говорили с придыханием в его присутствии. Но я не из таких, к счастью или сожалению. Точнее, не так. Если надо будет раздвинуть ноги, я это сделаю, потому что про себя уже всё решила и цену своей смелости поставила. Но смотреть на него с вожделением я не стану, и прямо сейчас Моро это увидел.

Светлые глаза продолжали сканировать меня, ни одна мышца на его лице не дёрнулась. А у меня застучали зубы. Головой-то я всё решила, однако тело не было готово к такому стрессу. Пришлось стиснуть челюсти, чтобы он не заметил.

— Где бумаги?

— В надёжном месте, и без меня вы их не найдёте.

— И не такое находили. — Ствол скользнул на ключицу. — С трупа тоже можно много чего взять, вдобавок он не торгуется.

— И что прочтёте? Я подписывала все эти документы с цифрами, и только я знаю, что это за деньги и куда идут.

Частично я врала, потому что если бы была такой умной, то не вляпалась бы в дерьмо по уши. Но ему это сейчас знать необязательно.

— Почему не продашь тогда? — По костяшкам снова скользнула монета. — Ты называешь цену. Я плачу. И мы разбегаемся. Загс-то зачем?

— Я уже покойница, и меня ищут. Всё из-за этих документов.

— Кто?

— Те, кому нужно, чтобы их не существовало. Вам же они нужны. — Я судорожно вдохнула. — Жена не обязана свидетельствовать против мужа. Это написано в Конституции. Если меня возьмут, я буду молчать о вас по закону и не придётся меня убивать.

— Как удобно. Смотрю, ты всё предусмотрела. Грамотная.

— Было время почитать.

— Руки покажи, — приказал Моро.

Сперва я не поняла, а после вытянула дрожащие ладони, как на досмотре. Скрывать нервозность уже не имело смысла. Я сама смотрела на погрызенные пальцы и удивлялась, что ещё жива. А он водил по ним стволom. На подушечках у меня до сих пор виднелись мозоли от швейной машинки, и их тоже не спрячешь.

— За спиной держала, как на построении, показываешь ладонями вниз, как при шмоне, — медленно тянул Моро слова. — На пальцах швейка. Руки у тебя, невеста, как у первоходки на этапе.

Меня обожгло стыдом, и я понимала, что щёки мои предательски вспыхнули.

— Это к делу отношения не имеет.

— Ты так думаешь, но это неверное утверждение. — Ствол снова ушёл на подбородок и ласково его коснулся. — Ты хоть понимаешь, куда лезешь? Идёшь с закрытыми гла-

зами в жерло вулкана. Сгоришь там к чертям собачьим.

— Сгоревшему пеплу не страшно ещё раз сгореть, — прошептала я.

Моро хрипло засмеялся каким-то поразительно человеческим смехом. Можно сказать, приятным и дружелюбным. Он даже откинул голову, и я видела, как дёрнулся кадык. При этом ствол ни на миллиметр не сдвинулся.

— Слушай сюда, пепел, — резко посерьёзnel он. — Знаешь, сколько баб тащили меня в загс под разными предложениями? Одна беременела трижды, другая опоила и наутро сидела перед постелью с регистраторшей, думала, пока я не соображаю, она всё сделает. Третья подделала мою подпись, о чём потом очень пожалела. Ах да, была ещё одна, которая привела своего папашу-полковника и дала выбор: либо я сажусь по статье, либо женюсь на ней. И знаешь, что? Я никогда не поддавался на такое. Думаешь, ты смогла меня чем-то удивить? С хера ли я должен растаять перед тощей первоходкой?

— Мне не нужны твои чувства. Это фиктивный брак, и он ненадолго. Расквитаемся с нашими общими врагами и разведёмся. Обещаю.

Не знаю, почему перешла с ним на «ты». Само как-то вылетело. К тому же не хотелось уже быть вежливой, стоя одной ногой в могиле.

— Интересная ты девка. Зайдём с другого бока.

Он приблизился, и между нами почти не осталось расто-

нения. Пистолет медленно скользнул на горло и вжался металлом в кожу, отчего стало трудно глотать.

— А может, я Синяя Борода, — выдохнул он, склонившись к уху. — Вдруг у меня в подвале куча трупов нерадивых баб, что так же пришли свататься? А я их по ночам раскладываю в шахматном порядке, потому что люблю так играть? Со мной, девочка, не разводятся. Такие, как я, вдовеют. Ты об этом подумала, прежде чем нырнуть в преисподнюю?

Это не сильно напугало. Больше было страшно, что сейчас он меня выставит вон и там мои часы превратятся в минуты, потому что я перешла дорогу не тем людям и даже отомстить не успела за всё, что они мне сделали.

— Хорошо, — ответила я. — Можешь убить меня, если у тебя такое желание, но после похорон врагов.

Чуть отстранившись, Моро снова посмотрел на меня своим немигающим взглядом. Я совершенно не знала, о чём он думает. Лицо было непроницаемым. Только монета летала по пальцам. И в какой-то момент замерла и исчезла в кулаке.

— Закрой глаза, невеста. Не люблю, когда смотрят.

Вот так он решил со мной разделаться? Правда? Но я хотя бы попыталась. Всё равно умирать страшно, пусть ты и предполагал такой исход. И я, судорожно вздохнув, закрыла глаза. Сердце бешено колотилось о рёбра. Где-то за стеклом глухо стучали басы, веселились люди. А меня сейчас не станет. Я исчезну, так и не сумев прожить интересную жизнь.

Как нелепо и глупо. А ведь был вариант просто куда-то убежать за границу, сделав липовые документы, и спрятаться, чтобы никто не нашёл.

О чём я думаю? На какие бабки, фантазёрка?

Некстати вспомнила про маму. Она так и не узнала, что её дочь ни в чём не была виновата. Но что теперь жалеть?

Ствол упёрся мне в висок. Секунда, и всё закончится.

Глава 2

Ника

Сваталась я к дьяволу не просто из прихоти. Всё началось три с половиной года назад, хотя нет, намного раньше.

Я прекрасно помню тот день на кухне, где на плите шкворчала яичница и медленно закипала турка с кофе. Но мы этого не замечали.

Артём взял мои руки и заглядывал в глаза так доверительно, что я ничего не заподозрила. Глупая наивность потом обернулась для меня адом.

— Ника, послушай, — начал он. — Только не перебивай, потому что это важно.

Я как дура хлопала глазами и никак не могла понять, к чему он ведёт. А Артём продолжил:

— Я сейчас всё расскажу, только ты не пугайся и ни в коем случае не переживай. Это на вид кажется страшным, а на деле — ерунда. Короче, ты же у нас числишься директором и подписываешь все документы. Мы так специально сделали, чтобы было удобно. А сейчас у нас могут случиться большие проблемы, и если начнут копать, то я окажусь в огромной беде. Меня на несколько лет закроют, и никто и пальцем не пошевелит.

— Так, стоп, я не понимаю, — лепетала я.

— Надо, чтобы ты взяла всю вину на себя, и чтобы я там

не участвовал. Подожди с выводами. Не делай такие большие глаза. Там всё чисто на деле, просто бюрократическая неразбериха, которую мы быстро уладим.

— Меня будут судить?

— Это всё замнём. Тебе ничего не будет. — Артём нежно погладил меня большими пальцами и улыбнулся. — Ты женщина, и у тебя не было до этого никаких правонарушений. Скажешь, что напортила в документах и не разобралась, а подписала не глядя. Это же ведь даже правда. Возьми всё на себя, малыш. А я быстренько тебя вытащу. У меня как раз появился очень хороший адвокат. Акула в своём деле. Как всё уляжется, мы сразу распишемся и забудем это как страшный сон.

В голове моей в тот момент творился хаос. Он всё накидывал какие-то доводы, а я стояла и пыталась не упасть в обморок от страха и паники. Артём так всё уверенно раскладывал, что постепенно внутри уходила тревога. К тому же я так ему верила. Даже больше, чем себе. А в особенности я растворялась в нашей безграничной любви, как мне на тот момент казалось. Ведь в кино люди друг за друга жизни отдают, а тут просто какие-то бумажки, за которые и не будет ничего особенного, по его словам.

Сейчас со стволom у виска мне так хотелось надавать по щекам той глупой девчонке. Чтобы остались синяки. Они хотя бы прошли, а вот жизнь не перевернулась бы.

Я уже начала что-то подозревать в изоляторе. Но то бы-

ли лишь лёгкие прикосновения сомнений. От тусклых ламп болели глаза, потому что приходилось постоянно напрягаться, чтобы хоть что-то рассмотреть. А самое ужасное — они никогда не гасли, даже ночью. Я тогда себя настроила на то, что это временные неудобства. Скоро Артём всё решит, и я вернусь в нашу тёплую квартиру.

А пока я слушала металлический лязг засова, чей-то тихий плач за стенами и морозную тишину, что пробирала насквозь. Именно она и оставляла наедине с неудобными мыслями, которые я гнала от себя всеми силами.

Я помню этот холод. Кажется, он шёл не от стен, а жил внутри меня.

Артём же совсем скоро привёл ко мне адвоката, выглядящего точно так же, как описывают в книгах. С холёной внешностью и дорогими часами. Он действительно приходил ко мне и доверительно разговаривал, раскладывая разные непонятные бумаги.

— Признавайте свою вину, Вероника Андреевна, — говорил он. — Когда суд слышит признание, то это смягчает приговор.

Я так и сделала. Все нужные документы, что мне подсунули, подписала. Какой же я была удобной, даже самой от себя тошно.

Ко мне на свидания приходила мама. Уже тогда она болела. Что-то с сердцем. Разумеется, врачи делали анализы, но что они могли сказать, кроме того, что это старческое. Но

самое главное, ей нельзя было нервничать, а там пару часов на автобусе, ещё очередь отсидеть надо, а за этим досмотр. Но она всё равно приехала. Навестила меня один-единственный раз.

Я помнила тот день. Нас разделяло стекло, и мы говорили, держа трубку. Её дрожащий подбородок до сих пор в памяти.

— Ника, скажи, что это неправда, — просила она.

Адвокат меня предупреждал, что тут всех прослушивают и нельзя говорить ничего лишнего, особенно родителям. Они ведь такие чувствительные. Ещё потом хуже могут дел наворотить. Поэтому я соврала:

— К сожалению, это правда, мам. Твоя дочь виновата.

Несколько секунд она пыталась это переварить, как-то оправдывая меня в собственных мыслях, а потом дрожащим голосом произнесла:

— Я всё равно тебя люблю, что бы ты ни сделала.

И это так больно кольнуло в груди, будто в меня всадили нож и провернули. Получается, даже самый близкий человек поверил в мою виновность. Всё так. В жизни не как в фильмах. Что сказал, то люди и съели.

Больше мама не приезжала, потому что ей запретили врачи, а потом уже стало не до поездок.

Когда мне зачитывали приговор, я всё ещё находилась в каком-то ощущении нереальности происходящего. Меня приговаривали за мошенничество в особо крупном размере к семи годам лишения свободы в колонии общего режима.

Эта цифра крутилась в голове ещё долго, и я не могла её осознать, потому что я всё ждала, что мне дадут условный срок. На крайний случай год, но никак не это.

Помню, я тогда обернулась, выискивая глазами Артёма, но его не было. Да и вообще зал поражал своей пустотой.

Уже потом адвокат объяснил, что у Артёма проходила какая-то очень важная встреча, которую ну никак нельзя было перенести. Мол, он сильно переживает.

— Но не расстраивайтесь, Вероника Андреевна. Мы с вами обязательно подадим апелляцию, потому что это какая-то ошибка. Исправим всё, — уверял адвокат.

Так и сделали, правда, её тут же отклонили. А этот лощёный хлыщ больше не пришёл.

С того момента я стала для всех мошенницей. Наверняка мамы соседки, судачившие обо мне, обозвали меня воровкой, чтобы было поядрёней и попроще.

И дальше потекли месяцы.

Вначале Артём брал трубку каждую неделю.

Звонить оттуда можно было по расписанию, выстояв очередь у таксофона. При этом никакой приватности, потому что за спиной всегда ходила конвоирша и давалось на звонок ровно пятнадцать минут. И я жила этими редкими разговорами, считая дни на пальцах до следующего и прокручивая в голове, что скажу. Мне не хотелось его расстраивать, поэтому я тщательно продумывала каждую мелочь.

— Держись, малыш, — подбадривал меня Артём. — Я

работаю над этим. Там сложно, потому что замешаны крупные люди, но я обязательно тебя вытащу. Ещё немного надо потерпеть.

— Ты к маме заезжал?

— Само собой. Вот в эту субботу был. Она держится молодцом. Бодрая такая. Не переживай за неё, я присматриваю.

От этих слов с груди спадала тяжесть, потому что я представляла, как он заботливо за ней ухаживает.

Мои же дни пролетали как один.

Мы работали на швейке. Строчили форменные брюки и рабочие куртки по нормативу. Пахали по двенадцать часов, стуча машинками. Поначалу я загоняла себе в пальцы иголки, и к концу первого месяца они были у меня как решето. А руки к ночи дрожали так, что строчка шла волной, отчего орала бригадирша и приходилось всё переделывать.

Платили за это копейки. Казалось бы, сумма какая-то по бумагам набегала, но из неё вычитали на еду, за робу и постель. Все остальные деньги испарялись в исполнительном листе, в счёт ущерба, который я якобы нанесла. И на руках оставалась такая мелочь, что едва хватало на чай и прокладки.

Я тогда убеждала себя в том, что так Артёму будет легче.

Незаметно подкралась зима, и я уже с трудом дозванивалась до любимого. Он брал трубку через раз, объясняя это тем, что у него срочные дела. То совещание, то завал. Потом и вовсе начал сбрасывать и отключать телефон. И я осталась

совсем одна.

Никогда не забуду, как стояла у таксофона, слушая длинные гудки или голос женщины, что говорила о недоступности абонента. Но я не сдавалась и снова пыталась дозвониться, пока конвоирша не отгоняла меня со словами:

— Зорина, время.

Я вешала трубку, а в мыслях уже всячески оправдывала его, убеждая себя, что у него проблемы из-за меня. Всё думала, что, наверное, Артёма там прессуют и ему не до разговоров. Искренне верила, что ему так же тяжело, как и мне. Рисовались такие картинки, как он стоит и грызёт всем за меня глотки, бегают по инстанциям, чтобы пересмотреть дело, ищет других адвокатов.

И у меня получалось создавать из него героя.

Как-то мне пришло письмо от мамы. Вот она часто писала.

«Артём давно не заходил, но ты не волнуйся, у меня всё есть. Мне помогает Нина из пятой квартиры, она ходит в аптеку. Ты, главное, себя береги».

Это стало первым звоночком. Артём, клявшийся мне, что будет присматривать за мамой, ничего не делал. Он мне врал. И от осознания этого в голове мутилось, а к горлу подкатывал горький комок.

Но нет. Это я просто себя так накрутила. Артём ведь не такой. Он, вероятно, не успевал. Конечно же, он совсем скоро навестит маму.

Я хотела верить в свою ложь, потому что иначе получа-

лось...

Додумывать эти мысли не желала. И так тошно. Просто там какие-то временные трудности.

Так я и подобралась к весне. В один из дней мне бросили на колени журнал.

— Зорина, глянь. Не твой хахаль, случаем? — усмехнулась крупная Жанна со второго яруса. — Имя и фамилия сходятся. Ты ж нам про него все уши прожужжала.

Я развернула страницы и остоленела. Там я увидела Артёма в светлом костюме и с бокалом шампанского. Он счастливо улыбался. Свои русые волосы зачесал назад, наверное, для хорошей фотосессии. Его под локоть держала девушка в белом платье и фате. Какая-то знакомая, со светлыми волосами. Я несколько секунд вспоминала её лицо, потому что никак не могла сфокусироваться. От такого внезапного удара дрожали пальцы, а голова соображала медленно.

Наконец я прочитала строчки про свадьбу бизнесмена Артёма Соловьёва и его девушки Кристины...

Точно! Это же стажёрка из нашей приёмной! Вот и ямочка на подбородке. Просто здесь она вся такая сладкая, воздушная и накрашенная, что я сразу не признала.

А ведь я однажды ей помогла. Артём как-то на неё наорал за то, что та перепутала договоры, и девчонка рыдала в туалете, некрасиво размазывая по лицу тушь. Я дала ей салфетки и косметичку, чтобы она могла привести себя в порядок. Ещё и сказала что-то успокаивающее. Пожалела на свою го-

лову.

Опустив глаза на дату, я увидела, что выпуск двухмесячной давности. Вот именно тогда я и не могла до него дозвониться.

Мой мир куда-то поехал. В голове шумела пустота и не заполнялась ничем. Я будто плавала в каком-то вакууме. У меня не сходился пазл.

— Ну чё? — свесилась Жанна. — Твой мужик?

— Нет, — прошептала я и замотала головой, глотая подступившие слёзы. — Ты обозналась.

А сама, наперекор собственным словам, вырвала разворот и сунула в карман.

Сокамерница лишь ядовито хмыкнула. Конечно, всё поняла, просто не стала это показывать.

Мне тогда хотелось выть, но я встала и пошла в швейку. Там мои пальцы несколько раз попали под иглы, но я даже не заметила.

Когда наступила ночь, я вытащила разворот и ещё раз стала его разглядывать, чтобы всадить нож в сердце по рукоять. Мне нужно было прочувствовать все грани боли и перестать наконец её ощущать.

И какую же я испытала волну стыда за себя, потому что верила этому ублюдку. С такой гордостью больше года рассказывала женщинам про своего любимого Артёма, так нахваливала его. Тьфу! Какая же я дура!

Мне понадобилась неделя, чтобы перестать ходить, не ви-

дя ничего вокруг. Тогда, помню, в отряде нашли вшей у тех, кого привезли с этапа. И у нас устроили санобработку. Всех раздели, помыли жутко вонючими шампунями и вычесали. У кого нашли, волосы остригли.

В моих ничего не завелось, но я помнила, как Артём любил зарываться лицом в мои каштановые пряди, поэтому я попросила под это дело мне их тоже срезать. Так я будто прощалась с той лопоухой идиоткой, которой была.

— Жалко ведь, — вздохнула санитарка.

— Мне плевать. Режьте коротко.

Варясь в какой-то тупой пустоте, я смотрела, как падают локоны на кафель. После этого мне дали зеркальце, чтобы я взглянула. В отражении показалась какая-то незнакомая мне уставшая девушка с мёртвыми глазами. Вряд ли бы меня теперь узнал Артём. Да и плевать. Он и раньше во мне ничего такого не видел, просто использовал, а я себе придумала того, чего нет, и лишь сейчас стала трезво собирать все воспоминания.

Мама писала мне письма, потому что знала, как я их люблю. Разговор по телефону можно закончить, а письмо перечитываешь, и как будто человек всё время рядом.

Я чувствовала, что они становились всё короче. А потом и вовсе за неё стала писать соседка. Видимо, уже здоровье не позволяло.

В ответ я строчила ей на несколько листов, но никогда не упоминала главного, что я невиновна. Всё думала, что вый-

ду по УДО и расскажу лично. Ведь в письмах такого нельзя говорить, вдруг дойдёт до ненужных людей вся эта информация. Да и правильнее так, можно всё объяснить с самого начала.

Но и этому не суждено было случиться.

В ноябре третьего года меня вызвали к начальнице отряда. Я шла и уже знала, что будет что-то нехорошее. Предчувствие билось в груди птицей.

В кабинете мне протянули короткую телеграмму, в которой было написано: «Люба умерла в среду в больнице. Похороны будут в субботу. Нина».

Мама. Мамочка! Ну как же так?

Слёзы крупными каплями брызнули из глаз и потекли по щекам. Всё вокруг расплылось. Я не видела ничего, оставшись в собственном горе.

Что надо? Попросить разрешения.

— Мне нужно на похороны, — вырвалось у меня всхлипом. — Я знаю, что можно, и напишу заявление.

— Пиши, — пожала она плечами.

Не тратя времени, я взяла ручку и накарябала какую-то бюрократическую бумажку. А после ушла, ожидая ответа и купаясь в непроходящем горе.

В пятницу пришло письмо, что мне отказано.

Я снова направилась к начальнице и просила. Никогда в жизни не умоляла так.

— Я никуда не денусь и вернусь в срок. У меня никого

больше нет. Одна я у неё осталась, и некому даже бросить горсть земли на могилу. Клянусь, я всё отработаю. Сама всё оплачу. За свой счёт.

— Зорина, я тебе русским языком говорю. Отказано тебе!
— холодно бросила женщина, постукивая ручкой по столу.
— И какой за свой счёт? У тебя нет ничего, всё в иск уходит. Характеристика у тебя тоже не золотая. Есть испорченные изделия в личном деле. Не положено.

Я вспомнила, как залила кровью ткань, когда узнала об Артёме и Кристине. А теперь за это расплачивалась.

— Иди, Зорина. Работай дальше.

Во мне всё горело. Несправедливость мешалась с отчаянием. Но создавать ещё больше проблем не захотелось, поэтому пришлось уйти, вытирая горькие слёзы.

Маму похоронили без меня. Соседка Нина смогла собрать денег с жильцов по подъезду. А мне нечего было послать. Даже на венок не наскреблось.

Нина потом прислала письмо, о том что во время похорон пошёл снег и пока что могила будет без памятника. А ещё упомянула, что мама спрашивала обо мне перед смертью.

От этого я разрыдалась по новой, потому что я так и не успела ей сказать, что не была ни в чём виновата. Мама умерла, думая, что я воровка, и всё равно любила меня. Сколько она строила надежд. Помню, как представляла, что я буду счастливой. Выйду замуж, рожу детей, а она понянчится с внуками. Вместо этого её дочь стала уголовницей.

Самое жуткое, что я сама же ей врала столько лет в письмах, защищая Артёма. В то время как он выбирал свадебное платье для своей новой жёнушки.

Я плакала до тех пор, пока не наполнилась пустотой. Казалось, что от меня осталась только оболочка.

До той ночи у меня было какое-то будущее. Сперва думала, что сработает апелляция, потом, что вытащит Артём и мы распишемся. Но когда всё рухнуло, осталось только то, что я обещала себе поговорить с мамой и всё ей объяснить. Теперь и это у меня отобрала судьба.

Даже если выйду по УДО, мне не к кому было ехать. Никто не ждал. И справедливость тоже помахала платком. Наконец до меня дошло, что так теперь будет всегда. Я отсижу, выйду и буду жить с этим клеймом, потом где-нибудь умру. И ни одна душа не узнает, что на самом деле произошло.

Три дня я ходила как зомби, и привела меня в чувство тётя Валя с соседней шконки.

Ей было под шестьдесят, и это её четвёртая ходка. В отряде побаивались эту женщину, даже надзирательницы. Она вроде маленькая и сухая, но говорили, что сидела здесь по тяжёлым статьям. Никто не решался спросить, а она никогда и не рассказывала.

Сама тётя Валя родом с юга, из портового города, где её знала каждая собака. Она со мной почти не разговаривала все эти годы, но в тот день села и спросила:

— Реветь ещё будешь?

— Всё уже. Отревелась, — безэмоционально бросила я.

— Ну и хорошо. Значит, мозг включился. — Она пошарила в кармане и достала сигарету. Закуривать не стала, просто крутила в пальцах. — Я на тебя третий год смотрю, девка, — протянула тётя Валя. — И всё никак не могу понять, сколько можно утираться соплями? Тебя этот твой хмырь закопал и мать твою бросил. Сам женился и живёт нехеровую жизнь. А ты нюни развесила и в себе роешься. Думаешь, где же на-косячила. Угадала?

— Примерно так и есть, — повернулась я к ней.

— Я тебе вот что скажу. — Она наклонилась ближе. — Таких мразей давить надо.

— Давить? — горько усмехнулась я в темноту. — Это ты, тёть Валь, про меня сейчас? Посмотри на меня! Кого я могу задавить?

— Потому и сидишь! — отрезала женщина. — Слушай сюда. Надо делать по-умному, а не в лоб. Думаешь, я предлагаю тебе пойти к нему, пырнуть и снова сесть? Хотя идея неплохая. — Она едва усмехнулась. — Но нет. Надо, чтобы он до последнего не понял, откуда прилетело. Пусть улыба-ется тебе, а ты уже знаешь его больное место.

— Если б знала, — вздохнула я.

— У каждой гниды есть оно, поверь бабке. Обязательно есть кто-то покрупнее, кто и без тебя рад бы сожрать его. Ты одна ничего не сможешь. Всего лишь бабёнка с судимостью. Нужно найти, кому он встал поперёк горла, и подсунуть что

надо. — Тётя Валя сделала жест, будто сворачивает кому-то шею. — И дело с концом, а ты посмотришь на это. Только найти надо беспринципного и того, кто не боится руки марасть. Подумай пока над этим.

Она легла на шконку и отвернулась к стене. Уже через пять минут залиvistо храпела. А у меня всё не выходили её слова из головы.

С одной стороны, сама мысль казалась абсурдной. Куда мне с трясущимися руками искать рыбу покрупнее? У Артёма вот и деньги, и связи, а у меня лишь судимость.

Но с другой стороны... внутри закипала злоба, она душила каждый раз, когда я сопоставляла всё враньё, которым меня окружали. Раньше во мне не рождалась такая ярость. Сейчас же по венам разливалась тьма.

Меня выпустили по УДО летом на четвёртый год. И это было тоже до безобразия противно, потому что требовалось написать заявление о раскаянии.

Я выполнила всё, что нужно: отработала норму, не нарывалась, получала поощрения и даже прошла психолога. Но вот это...

Моё последнее унижение здесь, и мне надо было взять себя в руки и его пройти.

— Своими словами, Вероника Андреевна, — напутствовала молодая девушка-психолог, смотря на свой аккуратный маникюр. — Что осознали, в чём раскаиваетесь и какие выводы сделали.

Ха! Раскаиваюсь лишь в том, что позволяла вешать лапшу себе на уши. Дуры никогда не переведутся. Быть доброй в наше время опасно: могут сожрать с потрохами.

Но этого, разумеется, я не писала. Наскребла ручкой какую-то ерунду, признавая вину за то, чего не совершала, чтобы меня выпустили в мир, где я буду в полном одиночестве, никому не нужная.

— Замечательно, — протянула психолог, пробежав глазами по строчкам. — Как искренне. Очень хорошо.

На это я даже выдавила из себя какое-то подобие лживой улыбки.

А после прошла комиссию и суд, где мне зачли изолятор, посчитали мои три года и выпустили на все четыре стороны.

На дворе стоял жаркий июль, когда я вышла.

Перед воротами мне выдали пакет с изъятymi при аресте вещами. И так странно было на них смотреть. Будто из какой-то другой жизни, где я ещё во многое верила. Кажется, меня тогда можно было даже убедить, что существуют единороги. Однако эта женщина умерла. И теперь вместо неё родилась другая. Она с какой-то тоской смотрела на эти шмотки и чувствовала расплзающуюся пустыню внутри.

Меня тогда привезли зимой, и сейчас передо мной вытряхнули пальто, джинсы и шерстяной свитер. Также в этой куче лежал сдохший телефон и связка ключей от нашей квартиры и от маминой.

Переодевшись за ширмой в джинсы и свитер, я вышла.

Оказалось, что за это время я сильно похудела и штаны почти висели на мне, благо был ремень. Я сразу же запарилась, но ничего другого здесь не водилось.

Я напялила сапоги и подошла к столу.

— Расписывайся, Зорина.

Мне подсунули справку об освобождении и дали немного денег на проезд. В предписании значилось, что я должна явиться в инспекцию по месту жительства. Это, интересно, по какому?

— Встречают? — спросил у ворот дежурный.

— Нет, — качнула я головой.

Он лишь пожал плечами и открыл двери.

Три с половиной года я представляла, как сделаю этот шаг на свободу. И каждый раз мечты менялись. Сперва вообразала, как бегу к Артёму, спотыкаясь и падая в его объятия, потом уже там вместо него стояла мама. А теперь я смотрела на пустую и одинокую дорогу, где не было никого.

Сзади лязгнул засов. Что ж, надо куда-то идти. От мамы осталась квартира. Наверное, туда. Не к Артёму же с его женой.

Вдохнув жаркий воздух, я пошла к раскалённой остановке.

Глава 3

Ника

Смешная цена у моей свободы. И я её теперь хорошо знала.

Койка с тонкой фанерной перегородкой, отделяющей меня от остальных жильцов, стоила пятьсот рублей в сутки, и платить за неё надо было на неделю вперёд.

Ещё мне необходимо было поставить отметку в инспекции, потому что за неявку могли вернуть туда, откуда я вышла. Вся моя никчёмная жизнь уместилась в бокс с тремя ящиками. Да и то он не бесконечный, потому что за него оплачено только до тридцать первого июля. А после все вещи, находящиеся в нём, продадут с торгов, как сделали это с маминой квартирой.

Вздыхнув, я уныло посмотрела на разложенные купюры. Ровно две тысячи триста. Достаточно, чтобы несколько дней не сдохнуть.

И я почти загипнотизировалась этим видом своей нищеты, но меня вывел из коматоза кашель соседа за стенкой. А ещё дико чесалась нога от клопов.

Эта неделя у меня началась с какими-то надеждами, и там же всё и потонуло почти сразу.

Сев в автобус, что вёз меня от колонии, я откинулась на сиденье и тупо смотрела в окно, стараясь не думать о том,

как по спине стекал пот от жаркого свитера. Тётка напротив долго пялилась на мои зимние сапоги, а потом сообразила, что за пассажиры садятся на той остановке, и с презрением отвернулась.

Выйдя из автобуса, я глубоко вдохнула запах моря. Как же по нему скучала. Над крышами торчали портовые краны, и я на какое-то время зависла, рассматривая их. Раньше совсем не замечала, а теперь всё казалось таким большим. Но главное, никто не орал команды.

До маминого дома я прогулялась пешком, изучая, как здесь всё изменилось за эти годы, ещё и на маршрутке сэкономила, что немаловажно в моём положении.

Уже совсем скоро я увидела мамину пятиэтажку с облезлой лавкой. Сбоку всегда росли бархатцы. Их мама сажала, а теперь уже и не знаю кто. Может, соседка?

И вроде всё не так страшно, как казалось на первый взгляд.

Поднявшись на третий этаж, я на несколько секунд замерла, потому что увидела совсем другую дверь. Она была новая и железная. Не мамина.

Но я всё равно, не знаю почему, достала связку ключей и попробовала её открыть. Разумеется, ключ даже наполовину не вошёл.

Немного постояв, я нажала на звонок и тут же услышала топот ног, а за ним плач ребёнка. Мне открыла молодая женщина в халате с малышом на бедре.

— Вам кого? — с явным напряжением в голосе спросила она.

— Здесь жила Зорина Любовь Сергеевна. А я её дочь. Я...

— Мы купили квартиру с торгов, — прервала она меня, а после оглядела с ног до головы. — Всё по закону, и у нас есть документы. Если вы насчёт вещей, то ничего не осталось, банк всё вывез.

— Да я... не по этому вопросу... — заблелая я, не зная, что дальше сказать.

В эту секунду я мало что понимала. Лишь то, что теперь мне даже негде жить. Здесь явно что-то произошло, о чём я не знала. Просто так квартиры не продают с торгов. Получается, мама её заложила?

Мысли летали птицами, но никуда не приводили. Только к растерянности и безвыходности.

— Извините, — буркнула женщина и, видя, что я не собираюсь спорить и что-то доказывать, поспешила захлопнуть перед моим носом дверь.

— Ника! Никуша, это ты? — послышался за спиной голос Нины Петровны.

Она жила напротив. За то время, что меня не было, женщина ещё больше постарела и усохла. Из прошлого остался только халат в синих цветах.

Когда Нина обняла меня, я стояла столбом с опущенными руками, потому что уже даже и забыла, как обнимать в ответ.

Не тратя времени, она завела меня к себе. Мы прошли на

кухню, и там Нина налила мне чаю. Из сладкого предложила лишь сушки и после уселась напротив меня и по привычке боязливо подняла руку к горлу.

— Выпустили тебя, девочка? — вздохнула она. — А мы и не знали. Сказать-то нам некому.

— Как всё было? — спросила я, опустив взгляд. — Расскажите всё.

Она что-то пробубнила себе под нос, похожее на причитание, и начала.

Чем дольше Нина говорила, тем сильнее я сжимала чашку в руках, борясь со слезами.

Маме стало хуже на вторую зиму, и поскольку лечение было платное, а лекарства дорогие, она заложила квартиру. Знакомые подсказали, как сделать всё быстро. Полученных денег хватило на два курса, но их оказалось недостаточно, и уже совсем скоро она не вставала.

— Я ей уколы, Никуш, делала, ведь тридцать лет медсестрой отработала в госпитале. И мы часто о тебе говорили. Она всё ждала, что ты выйдешь. А когда она умерла, я твоему Артёму позвонила. Узнала номер из записной книжки Любы. Еле дозвонилась.

— И что он? — пробормотала я, уставившись в кружку.

— Да что он? — презрительно фыркнула Нина и смачно по-бабски выругалась, а потом закончила: — Сказал, что вы с ним чужие люди и чтобы я больше не звонила.

У меня в руках задрожала чашка, и я, поставив её на стол,

глубоко вдохнула, а после так же медленно выдохнула, пытаясь не давать волю чувствам.

— И вещи твои... — покачала головой старушка. — Он же их тогда сразу привёз, как только тебя забрали, и недели не прошло. Скинул их к подъезду в мешках для мусора и позвонил Любе снизу, чтоб забирала. Даже не удосужился их поднять. Она потом неделю плакала, пока разгребала это всё.

Я вдруг представила, как мама тащит эти тюки на третий этаж, надрывая спину, и стало совсем тошно.

Артём же стёр меня из своей жизни тогда, когда я всё ещё ждала чуда и верила ему.

— Банк же забрал вещи, выкинул, наверное, или продал. Но я с Витей что-то успела вынести. Там какие-то твои и немного Любиных шмоток. Мебель уже и не стали спасать, куда нам. Никита, сын мой, склад нашёл, где сдают боксы, и я заплатила сколько могла.

Поднявшись, Нина подошла к серванту и закопошилась там в поисках нужной бумажки. Через минуту протянула мне квитанцию, где были данные склада, оплаченного до тридцать первого июля.

— Ты уж меня прости, Никуша, я больше не смогла оплатить. Знала, что ты где-то в эти месяцы должна была выйти. Слава богу, что не просчиталась, а то так и не знаю, что стало бы с вещами. Пенсия, сама понимаешь, у меня копеечная.

От стыда я не могла поднять на неё глаза. Нина мне, по

сути, никто, а платила из своего кармана за вещи уголовницы, в то время как человек, за которого я села, просто вывалил мусорные пакеты перед подъездом.

— Я верну, — пообещала я, борясь с бурей внутри.

Глаза горели от непролитых слёз, но я не давала им вырваться.

— Да брось ты, — махнула рукой Нина.

Мой взгляд скользнул к настенным часам, и я с тоской позволила себе надежду, что эта старушка предложит остаться хотя бы на одну ночь, ведь идти-то мне было некуда. Нина же искоса поглядывала в сторону двери, за которой шумел телевизор, явно осознавая всю мою ситуацию.

— Не обижайся, деточка, — выдавила она наконец и замялась. — Никита дома, а люди, знаешь, всякое говорят. Да и работа у него, рано вставать.

— Не надо оправдываться, я всё понимаю, — оборвала я её, чтобы нам обеим не было неловко.

Ночевать мошенницу никто не пустит, и это ясно как божий день. Мало ли чего сопрёт, да и мама пересказывала Нине всё. Значит, она знает, что я виновна.

Тем не менее старушка взяла квитанцию и что-то начеркала на ней кривым почерком. Когда я взглянула на бумажку, то увидела адрес, где можно снять комнату. Хозяйку звали Роза.

— Она ничего спрашивать не будет, — потыкала Нина пальцем в квитанцию.

Затем она сказала, как найти на кладбище маму.

Туда я сразу же и поехала, потому что в голове пока шумело и идей, что делать дальше, не было.

У ворот я купила две гвоздики, отсчитав сто рублей, и пошла искать.

Уже совсем скоро я увидела голый участок. Ни одного деревца вокруг. И жара так шпарила, что я вся была мокрой.

Но я этого не замечала, шла и высматривала нужную мне могилу.

В конце концов вдалеке показался холмик с висевшей на штыре табличкой, где значилось имя моей мамы.

Положив гвоздики на сухую землю, я плюхнулась рядом.

Мне хотелось ей рассказать всё, и я даже в тюрьме придумывала длинную речь, которую так и не успела произнести. А сейчас уже и говорить нечего. Что она услышит?

— Мам, это я, — единственное, что вылетело из меня.

А после опустила голову между колен и смотрела, как прозрачные слёзы стекают на выжженную землю.

Не знаю, сколько просидела так, мысленно общаясь с мамой. Плакать уже перестала, а когда подняла голову, поняла, что начало темнеть.

Я встала и поехала искать ту комнату, о которой говорила Нина.

Она оказалась очень маленькой, и сбоку стояла фанера, отгораживающая от всего остального. В этом крохотном пространстве помещались лишь кровать и тумбочка. На сте-

не висел крючок. Хозяйка Роза забрала деньги за неделю вперёд, как и говорила Нина, ничего не спросила, даже паспорт.

И в первую же ночь меня сожрали клопы. В колонии их хотя бы травили.

Я долго не могла уснуть и всё думала о том, куда теперь идти. Так ничего и не пришло в голову.

На следующий день я пошла в инспекцию. В кабинете, за столом, сидела женщина примерно моих лет и устало листала моё дело.

— Адрес проживания, — буркнула она, даже не взглянув на меня.

Я назвала место своего нового клоповника.

— Регистрация есть?

— Нет.

Инспекторша что-то черканула сбоку и продолжила:

— Порядок такой, Зорина. Вам надо отмечаться раз в месяц. Есть комендантский час. С десяти вечера до шести утра вы должны находиться по месту проживания. Всегда могут прийти и проверить, а ещё мы опрашиваем хозяев, и они докладывают, если вы опоздали. Сейчас даёте подписку о невыезде. В течение месяца трудоустраиваетесь и приносите мне справку с места работы. Если что-то из этого нарушите, я буду писать представление, и тогда вы досиживаете ваш срок. Вопросы?

Она наконец посмотрела на меня безразличным взглядом

и ждала ответа. А я всё думала, что снова попала в клетку, только теперь величиной с город. УДО — это свобода под надзором, почти видимость. И за мной будут тщательно наблюдать.

Мне оставалось лишь кивнуть и в очередной раз подписать нужные бумаги.

Всё воспринималось как-то странно. Вроде бы и вышла, только куда? И как эту самую работу искать? Кто возьмёт?

Утром следующего дня я собралась на склад. Я искренне надеялась, что там есть моя летняя одежда, ведь зимняя совсем не подходила, а купить новую было не на что. Вероятно, там можно будет что-то найти, что можно продать.

Серые ангары располагались в промзоне, и я долго смотрела на одинаковые оранжевые двери, пытаюсь понять, где моя. Хорошо, что помог охранник: он пропустил меня по коду.

Внутри берегли электричество, поэтому лампы загорались лишь в той части, по которой я шла. Мой бокс находился в самом конце.

Откатив дверь, я уставилась на картонные ящики. Их было всего три. Негусто. Но ладно, сколько есть.

Не тратя времени, я стала разбираться и тут же нашла в первом ящике скомканную летнюю одежду. Всё мягкое, но уже без разницы. И я быстро переоделась, наслаждаясь тем, что не надо ходить в проклятых сапогах.

Немного передохнув, я зарылась в остальные коробки.

Там ничего особенно не лежало: какие-то кружки, мой старый ноутбук без зарядки, документы и диплом, которым сейчас стоило потеряться, потому что о хороших работах можно забыть.

А ещё я откопала мамины очки в старом футляре. Одна дужка была обмотана изолентой. Она их так и не починила. Что-то в груди сжалось. Их можно уже и выкинуть, но внутри всё этому противилось. Хотелось оставить хоть что-то от мамы, поэтому я бережно положила их назад.

С собой я прихватила ноутбук, думая, что за него в ломбарде что-то дадут. Но когда оказалась на рынке, меня тут же расстроили:

— С такойдохлой батареей не берём, да и это старьё. Его никто не купит.

Зато я смогла продать бежевое кашемировое пальто, выручив за него восемьсот рублей.

Ноутбук же отвезла обратно и сунула его в ящик. Не выкидывать же. Может, смогу найти новую батарейку. Чем чёрт не шутит.

Остаток недели я занималась поиском работы.

Сперва пошла в центр занятости, где меня сразу же поставили на учёт и пообещали пособие, но такое мизерное, что и говорить смешно, да и первую выплату сделают лишь через месяц, поэтому на эти деньги не стоило рассчитывать.

А дальше я пыталась сама походить по округе и поискать, куда приткнуться. Я обошла все самые простые места, даже

не бизнес-центры, всего лишь рынки. Была в столовой при автовокзале, на шиномонтаже, где требовалась уборщица, в пекарнях, но везде, как только слышали про мою судимость, разговор заканчивался одинаково. Нет, мне никто не хамил, просто брать бывшую уголовницу не хотели.

Когда я зашла в пельменную и спросила о вакансии посудомойщицы, грузная хозяйка сначала обрадовалась, потому что её нанятая девчонка накануне сбежала, но потом пошли вопросы.

— Судимость есть? — спросила она, мешая в кастрюле пельмени.

Можно было бы и соврать, но правда ведь всё равно вылезет, когда инспекция попросит справку с работы.

— Есть, — кивнула я.

— По какой статье?

У меня их было несколько, но я назвала главную:

— Сто пятьдесят девятой. Мошенничество.

Взгляд женщины тут же непроизвольно метнулся на кассу, а потом вернулся ко мне.

— Не, девочка. Иди с богом, — похлопала она меня по плечу, видя мой растерянный взгляд.

Когда я оказалась на улице, то из меня вылетел нервный смех. Это же уму непостижимо! Меня только что не взяли мыть дурацкие тарелки, а в это время тот самый мошенник, за которого я отбывала свой срок, наверное, отдыхал в ресторане с видом на море и ел лобстеров.

И вот я сидела на Розиной койке со своими копейками и думала, как выжить на них, потому что за следующую неделю за этот клоповник надо отдать три с половиной тысячи, а это всё, что у меня есть. Тогда не на что будет покупать еду. Ещё за бокс надо заплатить, иначе все вещи пустят с молотка или вообще выкинут.

Справку они с работы хотят. Какую? Где мне её достать, если никуда не берут?

А у Артёма наша квартира в собственности. Мы её купили за год до моего ареста. Мама тогда, чтобы нам как-то помочь, продала свою дачу в шесть соток, потому что нам немного не хватало. Там, помню, росли красивые яблони, и ей нравилось копаться в грядках летом. В воспоминаниях всплыло её счастливое лицо, когда она подписывала документы у нотариуса. И всё ради того, чтобы у нас с ним было своё гнездо.

Теперь там жил Артём с женой.

Лёжа на постели, я вспоминала слова тёти Вали. Но никак не понимала, как мне давить всех? Я умела, не глядя, подписывать документы и ждать звонка, как дура, а вот этого навыка у меня не было.

С другой стороны... От внезапно вспыхнувшей мысли я даже приподнялась на локтях.

Артём может и не любить меня. Пусть женится на ком хочет, но мамины деньги он обязан вернуть. Это ведь справедливо?

Почему-то я верила в то, что бывший жених хотя бы здесь

не будет мудаком.

Горбатого могила исправит, Ника. И это про тебя.

Я снова рухнула на постель и повернулась. Взгляд упёрся в связку, где болтался и ключ от нашей с ним квартиры. Завтра всё проверю, а теперь спать.

Глава 4

Ника

Я смотрела на новую дверь и долго не решалась позвонить. Артём не поскупился и выбрал дорогую на замену. Ещё и камеру поставил над звонком, отчего я поёжилась.

Раньше это было моим домом, и я летела сюда на крыльях, как оказалось, гнилой любви. А теперь стояла и пыталась собрать себя по кусочкам.

Что ж, Зорина, надо просто войти в это, как в холодную воду.

Пригладив волосы, я быстро осмотрела себя. Вроде выглядела нормально. Сегодня надела голубой сарафан. До всех этих событий он был мне впору, а сейчас висел, как на вешалке.

И снова воспоминания накрыли волной. В памяти мелькнули картинки, где я ещё купалась в наивном счастье. Мы только приобрели эту квартиру, и Артём водил меня по комнатам, показывая всё. Четырнадцатый этаж. Отсюда видно всё, включая бухту. Тогда ещё она стояла без ремонта, но мы уже планировали, где будет кабинет, а где детская и наша спальня. Последняя комната осталась про запас. Их было четыре, и тогда мне казалось, что это много. Сейчас же мне до этого больше не добраться никогда. Я даже сегодня, как последний воришка, пробралась в подъезд вместе с ку-

рьером. Пулей промчалась мимо консьержки, только бы она не увидела. Докатилась, конечно.

Я тогда у него спросила:

— Тём, откуда столько денег? Разве мы можем себе такое позволить?

— Контракт удачный подписали, а партнёры помогли с кредитом. Не забивай голову, Ник.

Ха, какой же непроходимой идиоткой я была. Контракт, значит. Просто очередным моим приговором купили это. Я всё думала, что мамина дача внесла большую лепту. Там же целый миллион. Боже, да его даже на прихожую не хватит. А я, лопоухая, поверила, что действительно помогла с первым взносом. Скорее мой будущий тюремный срок помог.

Тем не менее сейчас этот миллион будет мне как нельзя кстати. Да и деньги — это мамины.

И, набрав побольше воздуха в лёгкие, я нажала на звонок.

Через несколько секунд дверь открылась и на пороге появилась Кристина. Да-да, та самая секретарша. Она за это время посветлела, и волосы стали лучше. Видимо, денег на новую жену Артём не жалел, оплачивая ей дорогой уход.

На девушке был шёлковый домашний костюм, и она держала маленькую девочку в руках.

Кристина смотрела на меня какое-то время, а потом я увидела в глазах проблеск. Она меня вспомнила. Просто её сбילה причёска.

Кажется, я её напугала, потому что она отступила.

— Вы... Артём! Иди сюда! Артём!

— Привет, Кристина, — чуть склонила я голову набок.

Надо же, сколько паники у неё. Будто не бывшая пришла, а маньяк, который сейчас резать будет всю семью.

Девочка выпустила воротник мамы изо рта и повернулась ко мне. У неё были мамины ярко-синие глаза.

Буквально через секунду за спиной Кристины выросла знакомая фигура.

Артём за то время, пока я его не видела, поправился. Приобрёл ровненький загар. Явно много отдыхал. И одеваться стал по-другому. Сейчас на нём было белое поло и льняные шорты, как на обложке журнала. Прямо идеальная семья. Не то что наша.

От увиденного в сердце царапнуло болью. Но хватит с меня сегодня лирики. Я тут не за этим.

— Ника? — удивлённо выдохнул он. — Не ожидал тебя увидеть.

— Я не займу много времени, — буркнула я, пряча в складках обкусанные ногти.

Артём метнул быстрый взгляд на соседскую дверь, а затем мягко утолкал жену в другую комнату со словами:

— Всё нормально, Крис. Я тут сам разберусь.

Она попыталась возразить, но не получилось. Эта овечка тоже попала под его чары, ему достаточно было просто назвать её зайкой и клюнуть в макушку.

— Заходи, — распахнул Артём дверь. — Не будем выно-

сильно сор из избы.

Я прекрасно поняла, почему он меня впустил: не хотел устраивать драму при соседях, чтобы потом не сплетничали. Ведь вряд ли приход бывшей — хороший повод расслабиться.

Зайдя внутрь, я сразу же окинула взглядом прихожую. В животе всё сжалось от осознания того, что она по размерам больше, чем моя нынешняя комната. Подо мной блестел пол, сделанный под мрамор, а может, это и был мрамор, я не знала, сколько Тёма наворовал. Одна стена целиком зеркальная, сбоку разместился шкаф-купе. В глубине квартиры я увидела за большими окнами кусок моря и бухту. Помню, Артём обнимал меня со спины и расписывал нашу будущую прекрасную жизнь, глядя вдаль.

— Разуйся, пожалуйста, — попросил Артём. — У нас ребёнок, сама понимаешь.

Да-да. У нас тоже мог быть ребёнок. Но теперь он у другой.

Я растегнула сандалии и встала на холодный пол. Тапок мне не предложили, поскольку здесь гостей не ждали.

Мы отражались в зеркале, но туда я смотреть не желала, потому что мельком увидела, как мы с ним отличаемся. Он, такой холёный и весь брендовый, и я — с торчащими ключицами и в застиранном сарафане.

— Ну? — сложил на груди руки Артём, привалившись плечом к шкафу. — Вышла, как вижу. По УДО, что ли?

— Да.

Я отвечала односложно, а сама формулировала в голове то, что планировала сказать. Хотелось от нервов грызть ногти, но я не позволяла это себе, поэтому руки спрятала за спину.

— Молодец, — протянул Артём. — Выглядишь... — Он окинул меня взглядом и задумался, подбирая комплимент. В итоге не нашёл и бросил: — Живая, главное, и хорошо.

Меня не звали ни на кухню, ни в гостиную, потому что таких, как я, держат, как собак, на пороге.

— Мама умерла, — вырвалось у меня само.

Не знаю, зачем я это сказала. Наверное, хотела посмотреть в его глаза.

— Я в курсе. — Артём сделал грустное лицо. Как же у него это выходило? Всегда подстраиваться под собеседника. — Я, правда соболезнаю, Ник. Но ты же понимаешь, что я тогда не мог за ней присматривать. У меня проверки шли чередой, было не до этого. Я думал, там соседи помогают.

Очередная виртуозная ложь. Как же это в его духе. До последнего будет ужом выкручиваться, даже передо мной. От этого в горле образовался тошнотворный комок, который я быстро сглотнула.

— Соседи её похоронили, — глухо произнесла я.

— Как видишь, справились без меня.

Боже, и в этого человека я когда-то была влюблена?

Нет, злость во мне не вскипела, но внутри будто всё вы-

мыло. Да и не ругаться я сюда пришла.

— Я по делу, Артём, — пробормотала я.

Момент настал. Надо просто вдохнуть и сделать этот шаг.

— Слушаю.

Мне надо с ним говорить без упрёков, как со взрослым человеком. И это несложно. Мы ведь такие.

— Мамину квартиру забрал банк, — начала я. — Она заложила её, чтобы лечиться, а у меня ничего не осталось, и на работу никто не берёт. В общем, я это к чему? — Я судорожно вздохнула, уткнувшись взглядом в пол. — Половину этой квартиры я у тебя не прошу, потому что прекрасно понимаю, что тут в основном твои деньги. Мне нужна лишь мамина часть. Тот миллион. Я даже согласна, чтобы ты отдал мне его частями, если тебе так будет удобно. Просто мне надо на что-то жить, пока я...

Он прыснул, и я замолчала. А после расхохотался, запрокинув голову, да так, что стукнулся затылком о шкаф. И даже это не остановило этот тошнотворный смех.

— Ника, ты серьёзно? — произнёс он, отсмеявшись. — Ты правда притащилась сюда за деньгами?

— Это мамины...

— Чьи? Ох, умеешь ты повеселить. Это мама подарила нам. За руку её никто не тянул. Никаких расписок и договоров займа я в глаза не видел. Подарок это, Ник. А что у нас происходит с подарками? Правильно. Их не возвращают.

— Она нам это подарила на свадьбу, а её так и не было.

— Ну так это и не я сел, — развёл Артём руками, всё ещё улыбаясь. — А квартиру мы с самого начала на меня записали, как ты и хотела. Помнишь? Это ведь ты говорила, что никакой разницы нет, чьи имена на бумажках.

Так оно и было. Я тогда горела от ослепившего меня счастья и ничего не замечала в банке, подписывая разные договоры. А сейчас ненавидела себя, потому что казалась себе такой беспросветно тупой.

— Артём! — начала закипать я. — Напомню тебе, что я села за тебя и ты тогда заливался соловьём, что мне всего лишь дадут условный срок, ты...

— Тише! — оборвал он меня, оттолкнувшись от стены. Его улыбку будто слизали, и вмиг Тёма навис надо мной. — Языком не мели лишнего, тут слышимость хорошая.

— Ты говорил, что дождёшься.

Он хмыкнул куда-то в сторону и упёрся взглядом в меня. Начал говорить ласково. Так же, как когда просил расписаться в нужных бумагах.

— Ника, послушай меня внимательно. Ты ведь взрослая женщина, даже генеральным директором была. И это твоя подпись стоит на всех документах, сама же признала вину. То, что тебе какой-то там мужик обещал, — это твои проблемы, что поверила. Мужики иногда звёзды с неба сулят. Можешь с этим пойти в полицию. Вместе посмотрим, как они со смеху лягут. Мошенница пришла жаловаться, что её обманули.

Артём снова улыбнулся. Говорил это и веселился.

— Ты не можешь...

— Всё я могу. Кому ты сейчас нужна, Ник? Ты отсидела, без работы и жилья. Себя-то видела? — Он кивнул на зеркало. — Посмотри давай.

Я не стала поворачивать голову, вместо этого мой взгляд упёрся в его грудь.

— Мне просто не на что жить, — почти прошептала я, сгорая от стыда, вызывая к его остаткам жалости. — За бокс надо заплатить, там мамины вещи.

Артём устало вздохнул. Мы оба сейчас видели во мне попрошайку у церкви, прилипшую намертво.

Отстранившись, он взял с консоли кожаный бумажник и раскрыл его. Там пошурудил двумя пальцами и достал оранжевую купюру. Я смотрела, как он покачал её в воздухе, и протянула руку, чтобы взять деньги.

Никогда себя за это не прощу. Где спала моя гордость в тот момент? Но ведь это бокс до следующего месяца и неделя в клоповнике.

И в этот миг, когда я уже почти коснулась пятитысячной банкноты, Артём сунул купюру обратно.

— Хотя нет, — хмыкнул он. — Один раз дашь, потом будешь каждый месяц ходить.

Моя протянутая рука замерла, а внутри всё сгорело вмиг.

— И мать твоя такая же была, — добавил Артём, пряча бумажник в карман. — Звонила мне постоянно. То ей лекар-

ства привези, то в больницу доставь. Как будто я ей сиделка. Сама себя запустила, оттягивала до последнего. Если бы лечилась, может, ещё бы и пожила...

Секунда, и я влепила ему звонкую пощёчину. Ладонь тут же вспыхнула огнём. Я даже сама не поняла, как во мне всё разом взорвалось.

Только вот тянулась за подаванием, и вот уже врезала по щеке.

Стало до дурноты тихо. Сбоку приоткрылась дверь, выглянула Кристина и тут же снова исчезла.

Артём медленно повернул ко мне лицо с покрасневшей кожей. Что-что, а мерзкую улыбку я у него убрала. Зато светлые глаза стали совсем пустыми и стеклянными.

— Вот теперь ты всё сделала сама, Ника, — протянул он. — Побои при свидетеле. Не забыла, что ты на УДО? Один мой звонок, и ты поедешь в свои уже родные места. Хочешь этого?

Меня окутал холод, ведь Артём вполне мог это сделать, но со страху меня будто прорвало.

— Звони! — выпалила я. — А я тоже тогда позвоню.

— Кому? — усмехнулся он. — Давай-ка, скажи мне.

— Найдётся кому. — Я не могла остановиться, меня несло. — Я много чего подписывала, Тёма. Думаешь, я не помню, что именно? Ошибаешься! И вот ещё что, у меня есть копии, а с ними я быстро найду того, кому ты поперёк горла.

Из меня вылетали фразы тёти Вали, только исковеркан-

ные. И я врала. Никаких копий не было, как и людей. Всё моё богатство — это ящики в боксе да копейки в кармане.

Артём сначала долго изучал меня, а потом засмеялся, но уже не так заливисто.

— Боже, Ника, ты в своей колонии сериалов, что ли, не смотрелась? Ты ж ни одной бумажки в жизни не прочитала. Даже инструкцию по стиралке мне давала, потому что тебе скучно было что-то выяснять.

В этот момент в его кармане зазвонил телефон, и, взглянув на экран, Артём выпрямился и бросил мне:

— Стой тут и никуда не уходи, мы ещё не договорили.

Его лицо изменилось, когда он ответил на звонок и вышел. Стало какое-то рассеянное. Как у нерадивого студента.

Артём скрылся у себя в кабинете, я же прерывисто вздохнула. Только сейчас поняла, что все мышцы напряглись, а меня саму противно потряхивало.

Из комнаты Кристины доносился шёпот. Видимо, она тоже звонила какой-то своей подруге и рассказывала про весь этот спектакль.

К глазам подкатили слёзы и готовы были вырваться.

Ну уж нет. Не дам Артёму такое удовольствие.

Я метнулась в туалет, и там заперлась. Включив холодную воду, плеснула ею себе на лицо.

Не дождётся, поганец, моих слёз. Хватит и моего позора со сломленной гордостью.

Именно в этот момент плакать расхотелось. Выпрямив-

шись, я взглянула на своё отражение.

М-да, не красавица. Глаза красные, волосы все врасстопырку.

Ну что, сходила за справедливостью? Наелась дерьма? Тебя даже дальше коврика не пустили.

Когда я вышла, то увидела приоткрытую дверь кабинета и приблизилась зачем-то. Никогда не занималась подслушиванием, а тут что-то зацепило и привлекло моё внимание, не могла понять что. То ли тихий голос Артёма, чуть испуганный, то ли какая-то фраза.

— Да... Нет, я не знаю... Сам разберусь с ней, не надо никого... Хорошо, как скажете.

Он явно заканчивал, поэтому я быстро ретировалась на своё место.

Моё шестое чувство подсказывало, что здесь не просто разговор, но мозг подкидывал разные версии. Может, это кто-то, кому он должен денег или товар. Какая-то шишка, способная на него наорать, чтобы Артём Соловьёв стал шёлковым и присмирившим.

Выйдя через минуту, он прошёл к двери и настежь распахнул её.

— Всё, Ника. Мы с тобой закончили. Пошла вон.

Даже вот так. Вечно вежливый мужчина из моей прошлой жизни умел разговаривать подобным образом?

Я нагнулась и стала обувать сандалии, которые совсем не желали застёгиваться из-за негнущихся пальцев. И это до-

бавляло унижения, потому что хотелось, как в фильмах, выбежать и нестись с зарёванным лицом по мостовой. А получилось, что я копошилась и никак не могла попасть в нужную дырку, в то время как Артём стоял и ждал. Сейчас выглядело это так, будто я этому подонку кланяюсь.

— И вот ещё что, — добавил он, когда я разогнулась. — Больше никогда сюда не приходи, а если явишься, я вызову полицию и сделаю так, что ты поедешь обратно. Удачи тебе с копиями.

Напоследок мерзавец широко улыбнулся доброжелательной улыбкой. Так и хотелось треснуть его ещё раз.

Но я просто вышла и, не желая стоять и ждать лифт, понеслась по лестнице вниз.

Уже на остановке подумала, что надо куда-то ехать, но домой не хотелось, поэтому я направилась к складу.

Долгая дорога с лихвой окупилась, потому что в первом автобусе я просто приходила в себя, бездумно пялясь в красивый пейзаж, пролетающий за окном. Там билось о скалы море. И из головы не выходило, как я тянулась за этой злощастной бумажкой, лишившись остатков разума. Ну до чего ж идиоткой надо быть?

И ведь взяла бы! Вот что самое ужасное. Я ему по лицу-то дала уже потом.

Ладно, всё прошло. Больше я его не увижу. Надо успокоиться.

Меня в этот раз на склад пропустили, даже ничего не

спросив. Я отперла бокс и зашла внутрь. Там села на верхний ящик и стала снова переживать по кругу неприятные моменты.

Какие копии у тебя есть, дура?

Тут Артём прав. Чуть себе новую статью не пришила, хотя целью моего визита было совсем другое. Наврала ещё с три короба, как мелкая девчонка.

Мой взгляд скользнул на ноутбук.

Да нет. Ерунда это. Там точно ничего нет.

Тишина этого места успокаивала и давала собраться с мыслями. До десяти надо было вернуться к Розе, чтобы не нарушать режим. Ноги выворачивались обратно. Если бы только могла, здесь бы ночевала. Тут никто не храпит, и клопы не кусают всю ночь.

Зря я к нему поехала. По-глупому унизилась, и всё. Лучше бы работу искала.

Глава 5

Ника

Я почти проснулась и лежала на койке, не желая открывать глаза. Слушала шум соседей за перегородкой. В голове всё каруселью крутились фразы Артёма, что я ни одной в жизни бумажки не прочитала.

А я тогда такой наивной овцой была просто. Или влюблённой. Сейчас не понять. Меня распирало от чувства, что мне доверяют.

Но в чём он не прав, так это в том, что я копировала.

Стоп!

Я аж резко вскочила на кровати. И воспоминание пришло мутным бликом.

Точно! Это же была последняя неделя перед Новым годом, и в квартальном отчёте что-то не сходилось. Мне тогда хотелось ещё себя умненькой показать, и я всё возилась с непонятной цифрой. Потом, так ничего и не поняв, я решила дома Артёма поспрашивать. Но в тот день он не смог, потом были праздники, а за этим всем меня и взяли в изолятор.

Но все документы я тогда скинула на флешку, а вечером перенесла на ноутбук, что как раз сейчас тихонечко лежал на складе.

Чёрт возьми!

Я стукнула себя по лицу ладонью.

Какая чушь! Скорее всего, там ничего нет, и я увижу лишь дурацкую таблицу с опечаткой. Вчера повесила Артёму лапшу на уши. Не хватало теперь самой поверить в собственное враньё.

Тем не менее мои ноги уже нашаривали под койкой босоножки.

И через час я стояла со своим ноутбуком перед будкой, где ремонтировали технику. Я не знала, какое там качество, впрочем, выбирать не приходилось. Мне сейчас доступно только что-то с рынка, и то по бросовой цене.

Тощий парень в очках повертел мой ноут, после чего вывалил на прилавок целый клубок проводов.

— Старьё, — приговорил он мой компьютер. — Родных батарей таких уже не делают, но попробую подобрать хотя бы провод, вдруг получится так завести это корыто.

Выуживая из этого месива штекеры, парень примерял их к гнезду и откладывал, пока я напряжённо сжимала в кулаке последние купюры.

И только, наверное, на пятом проводе на боку у ноутбука загорелась оранжевая лампочка.

— Батарея, как я уже говорил, дохлая, — предупредил мастер. — Работать будет только от сети. С вас девятьсот рублей.

— Семьсот, — попыталась торговаться я, хотя никогда не умела.

— Девятьсот, девушка. Если хотите сбросить цену, идите

к вещевикам. Они могут, я — нет.

Я отдала, сколько он просил, и пересчитала остаток. Денег больше не хватало ни на что, и если на ноутбуке ничего не будет, то я, получается, выкинула деньги в мусорку.

К Розе я не потащила ноут. Поехала с ним на склад. Я помнила, что там есть розетка. Но она оказалась у дальней стены в коридоре, и когда я подключила всё, получилось так, что до самого бокса не дотягивался, лишь до откатной двери.

Там и уселась, прямо в проёме.

Свет здесь не включался, поэтому меня освещал только экран.

Я долго ждала загрузки. Ноутбук хрипел, плевался и жужжал, явно желая поскорее сдохнуть. Мне же страшно было шевельнуться, и я как заморожённая смотрела в монитор, затаив дыхание.

Наконец появилась заставка, и у меня тут же всё ухнуло в пятки. Там мы с Артёмом были на море в нашу первую поездку. Такие, как мне казалось, счастливые.

Но нечего сопли развозить, надо смотреть, что дальше.

Я быстро набрала несложный пароль. Даже он связывал меня с этим поганцем. Это день нашего знакомства. Романтика уже, слава богу, вся выветрилась.

Когда всё окончательно прогрузилось, я начала рыскать по рабочему столу. Нашла сверку. Внутри были договоры и таблицы.

Как я не разбиралась в этом несколько лет назад, так и

сейчас смотрела на колонки цифр со сложным выражением лица и без единой мысли в голове. Бумажки — это не моё.

Но я упорно листала сканы договоров, где видела собственную красивую подпись. Один из них был с фирмой «Юг-Терминал Логистик». Я бы и его пролистнула если бы не зарябило в глазах от длинной цифры на полях. Такого договора я не видела и про компанию не слышала ни разу.

Пока я искала, ещё таких одиннадцать штук нашла. Не спорю, какие-то действительно подмахнула, не глядя, попивая кофе за рабочим столом. Но почему-то остальные не могла вспомнить, как бы ни старалась.

А вот и то, из-за чего я скопировала всё. В одной из папок находились отчёты. Один я помнила, а вот во втором стояли какие-то совершенно дикие суммы. Но что больше всего меня зацепило, так это пометки на полях о том, что эти деньги либо доля некоего А.Л., либо возврат ему же, либо товар прогоняется через порт и тоже с этими инициалами.

Да кто он такой? Задумавшись, я попыталась вспомнить имена и фамилии наших партнёров и не могла ничего откопать похожего. И что немаловажно, именно в его колонке значились самые большие деньги.

Так вот как это происходило. Одна бухгалтерия была для меня и налоговой, другая же предназначалась им.

К горлу подкатила тошнота, и смотреть на это больше не хотелось. Захлопнув крышку, я несколько минут сидела в темноте, борясь с накатывающими эмоциями.

Да, я понимала, что подписывала не глядя. Просто в какие-то моменты думала, что где-то действительно ошиблась, но нет. Теперь уже знала на все сто процентов, что меня подставили. И доказательства на руках. Только что с ними делать?

Я уже хотела уходить и думала выключить ноут как положено, а не просто выдернуть штекер из розетки. И тут увидела внизу экрана кружок мессенджера. Если честно, я бы прошла мимо, но я знала, чей он.

У Артёма тогда вечно не хватало памяти в телефоне, и по вечерам он переписывался по работе на моём ноутбуке, развалившись на диване.

Когда нажала на кружок, мне тут же вывалилась вся сохранённая переписка. Конечно, я не стала упускать возможность и дальше порыться в этом грязном белье, поэтому быстро листала разные чаты.

Ага, тут и контакт Кристины всплыл с сердечком, и последние слова, что были произнесены за три недели до моего ареста. Начинались они с уменьшительно-ласкательных прозвищ. Но это меня уже не особо интересовало, потому что сил не осталось.

Зато я залезла в чат с бухгалтершей Ларисой, что вечно угощала меня конфетами и сама их ела, раскрывая толстыми пальцами.

Меня интересовали их разговоры в ноябре и декабре. Поэтому я быстро их нашла.

«Тём, мне страшно. У нас проверка на носу. А.Л. звонил и спрашивал, кто пойдёт, если начнут копать. А у меня дети, я не могу».

Артём печатать ей не стал и записал голосовое. Нажав на него, я дёрнулась, услышав голос, что разлетелся на весь коридор.

— Лар, выдохни. Никто из нас никуда не пойдёт. Если прижмут, свалим всё на Нику. Её для этого директором и ставили. Я сам её уговорю, она у меня ручная. Да наплету ей всего, что условку дадут. Не переживай. Она всему верит, что я говорю. — Он хмыкнул и продолжил: — Никакую условку ей, конечно, никто не даст, зато мы с тобой чистые, как и он, а это главное. Адвоката он своего даст, и тот её аккуратно доведёт до приговора. Всё, больше не звони, я разберусь.

Лариса написала: «А она согласится?»

На что Артём через минуту ответил: «Куда она денется. Ника меня любит».

И поставил смеющиеся смайлики.

Я зачем-то прослушала это несколько раз, запоминая каждое слово. Нет, я догадывалась о том, что Артём — говнюк, но чтобы настолько...

У меня не находилось цензурных слов. Всё за меня решили ещё в ноябре. Да нет. Намного раньше. В день, когда Артём притащил охапку роз и объявил, что хочет видеть директором только меня, потому что безгранично доверяет. А на

деле откармливали свинку на убой.

Мне казалось, что от такого нужно расплакаться, но глаза были сухими, только руки тряслись и щёки горели.

Ну что, Зорина, дочитала наконец инструкцию?

— Девушка! — гаркнул охранник, и от его голоса вспыхнули лампы. — Девятый час уже! Я скоро ворота закрываю.

О чёрт! Мне же до десяти надо быть у Розы!

Отсюда до рынка ходил лишь один автобус, и тот раз в полчаса. Если не успею, мне конец.

Не думая, я выдернула шнур из розетки и тут же похолодела от мысли, что ноут больше никогда не включится.

Но размышлять об этом уже было некогда, и я, намотав на кулак провод, прижала ноутбук к груди и побежала с ним на выход.

На улице я увидела отъезжающий автобус. Так быстро я не гналась ещё ни за каким транспортом. Водитель, видно, пожалел дуру, заметив меня в зеркале, и притормозил.

Уже внутри я глубоко дышала и встала у кабины, чтобы видеть часы.

Несмотря на то что я успела влететь в автобус, он всё равно полз, как улитка, останавливаясь на всех остановках, хотя внутри, кроме меня, никого не было.

Без десяти десять я уже стояла у дверей, вцепившись в поручень, зная, что одно нарушение режима, и инспекторша меня уволочёт обратно. Артёму даже делать ничего не придётся, и без него справлюсь.

От остановки я бежала дворами, и ноутбук больно впивался в кожу, а провод всё так и норовил выскользнуть и виться за мной змеей по асфальту.

В подъезд я влетела вовремя. Откуда-то из других комнат слышала музыку из новостей. Значит, уже десять.

На лестнице столкнулась с Розой. Женщина курила в приоткрытое окно, плотно запахнув цветастый халат.

— О, явилась, — хмыкнула она. — А тебя тут искали.

Моё сердце оборвалось.

— Кто? — выдохнула я.

— Приходили двое из инспекции. Приличные мужики в костюмах. Я ещё удивилась, что в такую жару им в этом нормально. Бумажку с твоей фоткой мне в нос сунули. — Роза затынулась и стряхнула пепел в консервную банку. — Спрашивали, где ты и когда вернёшься, а ещё заехала ли ты с вещами. Я им сказала, что ты была с пакетом. Они в комнату твою заходили. Ты мне прости, но я не могу инспекцию не пустить. Проблем не надо.

— С какой фоткой? — только и выдала я, потому что за это зацепилась.

— Да мне почём знать? Старая какая-то. Там ты ещё с длинными волосами и в светлом пальто.

Я вспомнила. Меня тогда фотографировали в январскую ночь, когда взяли. И я стояла у стены с линейкой для роста. Этот снимок находился в моём деле, и в интернете его не достать.

— У меня женщина-инспектор, — всё так же глубоко дышала я. — Мужиков у неё нет.

Роза пожала плечами и затянулась. Ей было всё равно, кто у меня, что и как.

— Ещё про компьютер спрашивали. Не приносила ли?

И она покосилась на ноутбук, который я прижимала к груди. А после хмыкнула и отвернулась к окну.

— Мне ваши дела до лампочки, — фыркнула она в стекло. — Но если тут будет поножовщина или стрельба, вылетишь в тот же день.

В очередной раз я подобрала упавший провод и юркнула в комнату.

Там всё стояло, как обычно, и любой другой бы ничего не заметил. Но в колонии тебя приучают складывать вещи определённым образом. Если что-то будет не так, бригадирша вывалит всё на пол при шмоне. Я же до сих пор всё складывала по тем правилам, наверное, рефлекторно.

Я увидела, что мой сарафан был не так сложен, что одеяло подоткнуто под матрас, хотя никогда так не делала. И ещё какие-то мелочи бросились в глаза.

Тело будто замёрзло, и я почувствовала, как меня трясёт мелкой дрожью. Кто это приходил? И зачем?

Положив ноутбук под подушку, я легла на кровать. Прислушивалась к звукам, боясь, что сейчас кто-то войдёт. Дошла до того, что, когда кто-то проходил мимо двери, я переставала дышать.

Но вряд ли ночью что-то произойдёт. А сейчас надо подумать, что делать дальше. Ещё очень хотелось есть. За день только пирожок съела, что купила в ларьке. Но денег особо не было. Поэтому перетерплю немного. Завтра что-то придумаю.

Мысли скакали, не давая уснуть. Я всё думала, что же делать? Сперва, конечно, решила утром идти в полицию. И тут представила: я захожу, выкладываю ноут, говорю, что меня подставили, и отдаю все записи. Дежурный крутит в руках ноут и лениво тянет:

— Оставляйте, разберёмся.

А после я ухожу без него. На этом фантазия схлопнулась в то, что копия-то у меня одна, и находится она на полуживой железке.

Два мужика, что сегодня меня посетили, явно взяли мою фотографию из дела в системе. Значит, кто-то её оттуда достал и им отдал, чтобы они перетряхнули мою койку.

И куда мне нести ноутбук? Вдруг как раз попадусь тому, кто им эту фотографию и дал?

Да даже если возобновится дело... Ноутбук успеют десять раз потерять или объявить подделкой.

Закон на меня один раз уже поработал. Хватит!

Я вспомнила, как вчера выплонула Артёму свой блеф про копии и то, как он разговаривал с кем-то по телефону. Сразу же после этого у меня провели шмон в комнате.

Он смеялся, что я никому не нужна, однако, по всей ве-

роятности, нужна и в придачу с ноутбуком.

Мне надо найти того, кому этот А.Л. стоит костью в горле.

Дело за малым: дожить до утра. А там начну искать.

Глава 6

Моро

Сорок тысяч рублей. Столько стоил Валера Шалаев. Он пятнадцать лет работал в моём порту сменным диспетчером на третьем терминале. Я знал о нём всё. Что у него грыжа и двое детей. Девочка старшая училась на платном в медицинском.

А ещё то, что он получил сорок тысяч в пакете из-под хлеба. Сегодня забрал свой куш с заднего сиденья серой «Камри» на проходной.

Дёшево он меня продал. Если бы Валера пришёл ко мне и по-человечески попросил на учёбу дочки, я бы дал больше и даже не думал, когда он мне их вернёт.

Его держали на третьем терминале, в проходе между штабелями. С крана светил прожектор прямо на него. Тихон всегда так держит людей, когда я иду разговаривать. Тогда я их вижу издалека, а они меня — нет.

Июльская ночь давала жару. Все контейнеры полыхали до самого утра. Над головой поскрипывал кран, а где-то сбоку грузился турецкий сухогруз, разумеется, с матом и какими-то криками.

Ночи я любил в порту, потому что народу меньше, чем днём. И нет столько важных мужиков, желающих тебя надуть.

Правда, к этому времени суток начинало сильно тянуть ногу, заставляя меня прихрамывать. Мне не нравится, когда на это смотрят, поэтому я не спешил.

Шалаев сидел на ящике, охраняемый моими людьми. Они курили и ждали. Увидев меня, он сам вскочил.

— Моро, — затараторил он. — Моро, я всё объясню.

— Сядь, Валера, — протянул я и опустился напротив на поддон, вытянув ногу.

Я долго смотрел на него, а после достал из кармана монету, и она задвигалась по костяшкам, что привлекло внимание Шалаева. На неё все смотрят, и это хорошо, поскольку человек в это время отвлекается и перестаёт следить за лицом.

— Ну а теперь начинай объяснять, — разрешил я.

Он вдохнул и быстро заговорил, глотая слова.

— Меня просто попросили поставить отметку. Документы были в порядке, честное слово, а досмотр всё задерживает. Люди торопились, потому что груз скоропортящийся. Вот я и подумал, раз бумаги чистые, то ничего страшного...

Скукота смертная. Я цокнул языком, и Валера заткнулся.

— Давай лучше я объясню, — предложил я. — А ты поправишь, если навру. — Монета перескочила с мизинца на указательный. — В среду ночью ты зашёл в систему и поставил на серый сорокафутовик нужную отметку. Номер запомнить? А досмотра не было, потому что инспектор Карпенко в это время спал в бытовке, напившись твоего шестилетнего армянского коньяка. Хороший, кстати, коньяк, я бы

тоже не отказался.

Шалаев сглотнул и задрожал всем телом, а затем кивнул, после чего я продолжил:

— Утром контейнер погрузился на фуру и уехал. Номера у фуры оказались от «Газели», которую в прошлом году списали в Краснодаре. А в четверг ты получил свои бабки в серой машине в пакете из «Пятёрочки». — Я посмотрел на него. — Скажи, если я где-то ошибся.

— Нигде, — хрипло ответил он.

— Как чудесно, — протянул я. — У тебя же была ипотека, которую ты в марте закрыл. Я тогда ещё удивился. Всё гадал, откуда у диспетчера такие деньги. Решил, Люда твоя получила наследство и всё досрочно погасила. Но у Люды, Валера, никто не умирал. Выходит, ты уже не в первый раз крутишь мне хвост.

По вискам мужчины поползли капли пота. Я знал о трёх непонятных контейнерах за это лето. Совсем скоро мне доложат, что в них ехало, но тут дело в другом: они проскальзывали через мой порт, будто меня в нём нет. Купить меня Гронский Аркадий Львович не мог, поэтому откусывал, падла, по кусочку, приманивая инспекторов, диспетчеров или ночную смену. Устроил здесь игры в конструктор и рассчитывал, что я этого не замечу.

— Что было в контейнерах? — спросил я, хотя вопрос глупый и не тому.

— Не знаю! Богом клянусь, не открывал, и мне не гово-

рили...

— Верю. Ты бы и не понял.

Я поймал монету в кулак, и через мгновение она снова скользнула по пальцам, отчего Шалаев вздрогнул.

— Вот что, Валера, — задумчиво произнёс я. — Всё, что ты можешь рассказать про себя, я уже знаю, и мне это, честно сказать, неинтересно. Расскажи то, чего я не знаю, тогда и поговорим по-другому.

Этому он явно обрадовался, и если бы у него был хвост, то радостно бы им завилял.

— Жора из этой проклятой «Камри», фамилию его не знаю, он человек Аркадия Львовича, ты в курсе, наверное...

— Допустим, — кивнул я.

— Пока он деньги отсчитывал, трындел по телефону и матерился. Мол, у Соловьёва баба бывшая откинулась. Сидела за их дела. И у неё вроде есть какие-то бумаги. Соловьёв обосрался, а самый главный велел её найти и по-тихому разобраться. А она, мол, шевелится, то там, то сям. Жора орал, что ему теперь по всему городу эту дуру искать, и злился как чёрт. — Шалаев облизал губы. — Это правда, Моро. Дочкой клянусь.

Моя монета замедлилась.

Соловьёва я помнил. Светлый хлыщ с водянистыми глазами и мокрыми, противными ладонями. За душой ни хера. Три с лишним года назад через его контору Аркадий Львович первый раз сунулся в порт. Как же она называлась? Ка-

жется, «Юг-Терминал» и чего-то там. У Гронского была целая армия таких фирм-пустышек. Я её тогда прикрыл, а через месяц всё, что там наворовали, повесили на директора, коей оказалась какая-то девчонка. Имени я не запомнил, только срок всплыл в памяти. Семь лет дурочке дали. Многовато за такое, но не моё дело.

А теперь, видимо, девка вышла и что-то вынесла, отчего Соловьёв жидко нагадил в штаны, а Львович приказал искать. Когда Гронский просит тишины, ему есть чего бояться.

— Как её зовут? — спросил я.

— Честно, не знаю, Моро. Жора не называл.

— Хорошая новость, — признал я. — Спасибо, Валера.

Шалаев тут же криво заулыбался дрожащими губами. А я убрал монету в карман и поднялся. От резкой смены позы нога загудела.

— Какой рукой мышку держишь? — прокряхтел я, разминая колено.

Он окинул меня и парней непонимающим взглядом.

— Чего? П-правой...

— Покажи.

Валера протянул ладонь, что пятнадцать лет ставила пломбы и крутила вентили, а на прошлой неделе продала меня, щёлкнув мышкой.

Я кивнул парням, и двое ребят подхватили Шалаева и потащили к пустому контейнеру с распахнутыми створками. Один прижал его запястье к раме, туда, где на петлях схо-

дятся железные двери, и Валера заверещал, поняв, что с ним будет.

— Ты же сказал, что будет по-другому! — заорал он.

— Всё верно, — ответил я. — Без твоей новости ты бы отсюда ногами не ушёл.

— Лучше пристрели, чем так!

— Пулей скучно, Валера. — Я взялся за ручку створки, хранившую июльский жар. — Раз, и тебя нет. Через неделю никто и не вспомнит, за что, как и почему. А рука останется с тобой на всю жизнь, и весь порт будет на неё смотреть.

Навалившись на створку, я толкнул её, и железная дверь сошлась на петлях. Шалаев закричал, но его никто не услышал, потому что в этот момент на сухогрузе дали гудок, и крик в нём растворился.

И когда сухогруз отчалил, Валера уже сидел на асфальте, прижимая к животу то, что осталось от кисти, и тихо выл.

На манжету и запястья попало несколько капель крови, но на чёрной татуировке её не было видно.

— В травму его, — распорядился я, вытирая пальцы салфетками, что подал Тихон. — Скажите, что он упал с трапа и кисть попала под створку. Сам виноват, потому что технику безопасности надо соблюдать. С завтрашнего дня пусть ноги его в порту не будет. Люде передайте, что за дочку заплачено до конца года. Дочка тут ни при чём.

Шалаев бросил на меня взгляд, в котором было не разобрать, то ли он меня благодарит, то ли проклиняет.

— Карпенко пусть зайдёт ко мне в понедельник. И трезвый.

Бросив салфетки в бак, я направился к машине, чувствуя невероятную усталость. Злость во мне так и не проснулась. Двадцать лет назад она уснула в другом месте и с тех пор так и дремала. Но вот от душа бы я не отказался. Совсем было бы прекрасно, если бы нога не беспокоила.

У шестого причала меня нагнал Тихон и, поравнявшись со мной, подстроился под мой шаг. Его верность мне никогда не подвергалась сомнению, и он часто делал всю грязную работу.

Я слушал тишину, которая прерывалась редким плеском волн. Вода ночью казалась чёрной, и в ней отражались лишь огни крана.

— Третий за лето, — буркнул Тихон.

— Это только те, которые мы нашли, — протянул я.

Ему не очень нравился мой ответ, я это распознал по красноречивому молчанию.

— Надо бить в голову, — наконец произнёс Тихон через несколько шагов.

— Тогда придётся в Москву ехать, а там у Львовича генералы, прокуроры и полминистерства, жрущие с рук. Рано ещё трогать его, если не хотим, чтобы на нас свалился дождь из погон.

— Пока ждём, он полпорта скупит, — не сдавался Тихон.

— Да и пусть тратится, мать его. Все его люди рано или

поздно оказываются передо мной и раскрывают свои рты. Вон сколько Шалаев натрещал.

— Про бабу? — понял он.

— Узнай мне про неё всё. Кто такая, за что сидела и сколько, где сейчас живёт. И фото найди.

— Зачем она тебе? — остановился Тихон, и я тоже. — Если у неё бумаги на Львовича, то он сам её и закопает, а нам меньше хлопот.

— Всё так, но бумаги вслед за ней пойдут.

— То есть их забрать, а её...

— Сначала узнай всё, Тихий. Пока к ней никто не должен подходить, и сам не светись. Хочу посмотреть, кому она ещё интересна, кроме Жоры.

— К утру сделаю, — пообещал он.

Развернувшись, я пошёл дальше. На сегодня хватит дел.

К своему особняку я подъехал уже в четвёртом часу ночи. Он находился в сосновом бору, и мне до него полчаса. Хорошее место, а главное, сюда вела лишь одна дорога, на которой видно любую машину за два километра. В довесок к этому прилагался прекрасный вид на море и колонны.

Когда я вошёл в дом, то сразу же увидел, что на кухне горел свет. Там на подоконнике сидела Ася и лениво тянула вино из высокого бокала. Её тёмные волосы рассыпались по плечам, и я видел, что она ещё не смыла макияж. Значит, недавно приехала и только успела накинуть шёлковый халат.

— Опять хромаешь? — вместо приветствия спросила она.

— День выдался длинным.

— Уже ночь, — поправила она и спрыгнула с подоконника.

Налив мне виски, Ася бросила туда лёд и подала стакан, но отходить пока не собиралась. Встала неприлично близко и провела пальцем по манжете, где уже засохла капля крови.

— Сам руки пачкаешь? — протянула она. — У тебя для этого есть люди.

— И они должны видеть, что я могу сам, — парировал я.

— Кто сегодня стал жертвой?

— Шалаев. Продал меня Львовичу, сукин сын.

— И что ты с ним сделал?

— Теперь он левша.

Ася засмеялась хрипловатым смехом. Я вытащил её из места, где торгуют таким кокетством.

Её рука поползла по моему предплечью и остановилась на плече. Я поймал взгляд серых глаз.

— Садись, я разомну тебе ногу, — шепнула девушка. — Я умею, ты знаешь. Могу и не только ногу.

Не поддаваясь на её флирт, я осторожно снял её руку с плеча, а затем наклонился и чмокнул в лоб.

— Иди спать, Ась.

— Я не маленькая, Моро.

— Сёстрам в четыре утра положено спать, а не разгуливать по дому.

Сестрой мне Ася никогда не была. Я называл её так уже

давно, потому что другого я в ней не видел, да и не хотел видеть.

Широко улыбнувшись, Ася залпом допила свой бокал и отвернулась к раковине.

— Клуб опять в минусе, — бросила она.

— И сколько на этот раз?

— Не переживай, я вытяну.

— А я и не собирался переживать. Просто закрою его, и всё, если не справишься.

— Ты мне его подарил, — чуть обернулась она ко мне. — А подарки назад не забирают, братик.

В её голосе звучала насмешка со злым уколом. Злилась, наверное. Или же просто устала.

Братом она меня тоже звала давно, правда, в отличие от меня, не вкладывала в это слово нужного смысла. Для неё это была просто моя странная причуда, и она мне охотно подыгрывала.

Я к ней действительно испытывал тёплые чувства, но не как к женщине. Она была своим человеком. Даже Тихона я раз в год проверял, а её нет. Потому что ей я доверял полностью.

В комнате я попытался заснуть, но не получилось. Всё ворочался с боку на бок, думая обо всём подряд.

А с первыми лучами солнца в дом приехал Тихон, и я тут же спустился на кухню. Он положил на стол папку и рухнул в кресло.

— Зорина Вероника Андреевна, — начал он. — Села по сто пятьдесят девятой статье. Ей дали семь лет, и вышла она по УДО в начале июля. Снимает комнату в Слободке. Мать умерла, пока она сидела, а квартира ушла с торгов.

— А что там с Соловьёвым?

— Она его невестой была. Но недолго. Пока она сидела, Соловьёв женился на другой, и родился ребёнок.

Я цокнул языком и пошёл заваривать себе кофе. А Тихон продолжил:

— У неё вчера вечером в комнате были двое. Судя по машине, это люди Жоры. Они показали хозяйке липовые ксивы и всё перетряхнули.

— Нашли чего?

— Нет, она вернулась позже с компьютером под мышкой. — И, отвечая на мой немой вопрос, добавил: — У хозяйки язык длиннее коридора.

Открыв папку, я увидел снимок из дела. На меня смотрела запуганная до смерти девчонка с большими глазами. В них ещё теплилась надежда, что всё это ошибка и сейчас придёт кто-то важный и во всём разберётся. Я и раньше видел таких мышек с наивным взглядом, они его теряют первым.

Думаю, той девчонки уже больше нет, и стало любопытно, что от неё осталось, а ещё — сколько это теперь стоит, потому что эта красавица либо совсем бесстрашная, либо умная, раз заставила Соловьёва менять трусы. И ведь ей удалось как-то унести компьютер из-под носа Жоры. Неплохо

для молодого барашка.

— Братъ? — спросил Тихон. — К обеду привезу.

У меня в пальцах появилась монета и побежала по проторённой дорожке.

— Не надо, — выдал я, чуть подумав. — Пусть поплавает немного сама.

— Её Жора возьмёт раньше.

— В таком случае она мне не нужна.

Если ей удастся улизнуть от людей Львовича, значит, мозги в девки есть, тогда и поговорить можно. Мне хотелось самому посмотреть на эту Зорину, так сказать, живьём. Осталось дожидаться, когда она всплывёт.

Глава 7

Ника

Перед тем как меня выпустили из тюрьмы, тётя Валя за-
пихала мне бумажку с адресом, велев зашить в шов лифчика.

— Это на крайняк, — буркнула она. — Пока не припрёт,
не лезь. Поняла?

Я как-то об этом и забыла из-за того, что столько всего
навалилось. Даже лифчик стирала с этой бумажкой. А сего-
дня вспомнила и, распоров шов, развернула её.

Разумеется, чернила расплзлись некрасивыми кляксами,
но прочитать, что написано, всё же можно было. Тётя Валя
дала адрес рюмочной на проходной. Там работала некая Га-
ля. Надо сказать, что я от Вальки Сухой, и она поможет.

Вот и припёрло, тёть Валь.

Подумав это, я встала и, завернув ноут в пакет, вышла
из дома. Оставить компьютер у Розы после вчерашнего я не
могла. Пусть и не очень удобно с ним ходить, зато надёжно.

Во дворе я заметила серую иномарку с тонированными
стёклами, и это сразу привлекло внимание, потому что для
нашей Слободки это как красивые туфли среди лаптей. Здесь
обычно парковались русские автомобили. А эта «Камри» да-
же блестела от того, как её натёрли. На таких у Артёма вози-
ли важных гостей из аэропорта.

Машина стояла незаведённой, но я точно видела огонёк

сигареты, мелькнувший внутри.

Это вернулись пиджаки! За мной!

Хоть сердце и колотилось так, что я его слышала, но бежать я не стала. Драпающая баба с пакетом заметна издаലെка, поэтому я пошла медленно. Скользнула мимо помойки и детской площадки к дыре в заборе у гаражей. И всё это время чувствовала, как спину прожигает взгляд.

Всё же я не удержалась и рванула, оказавшись в лабиринтах проулков.

Рюмочная пряталась в полуподвале между шиномонтажом и ларьком с сигаретами. Вывески я так и не нашла. Сбоку была прибита железная картинка с якорем, но она уже пошла ржавчиной.

Внутри за столиками сидели мужики, уставшие после ночной смены, и молча пили водку. На меня никто не взглянул. Здесь вообще, похоже, до женщин никому не было дела.

За стойкой стояла Галя и протирала стаканы полотенцем. Я поняла, что это она, потому что другой такой здесь быть и не могло. Её большая, рыхлая грудь была туго стянута кофтой с глубоким вырезом. Волосы цвета баклажана убраны в высокую причёску, а на лице — тонна косметики. Галя смотрела на меня взглядом бригадирши, к которой пришла новенькая, и сейчас она прикидывала, сколько я продержусь.

— Мне надо Галю, — выдавила я.

— Ну, — бросила она.

— Я от Вальки Сухой.

Женщина замерла на секунду, а после ещё раз меня осмотрела с головы до ног, задержавшись на пакете в моих руках. Потом кивнула на дверь за стойкой, развернулась и пошла туда.

В этой подсобке было душно. Сбоку стояли ящики с пивом и мешок лука.

Закрыв дверь, Галя упёрла руки в бока и спросила:

— Сколько сидела?

— Три с половиной года, — проямлила я.

— С Валькой в одном отряде была?

— Мы спали на соседних шконках.

— Как она? Держится? А то, партизанка, ничего мне не рассказывает.

— У неё всё хорошо. По ночам храпит.

Галя вдруг хмыкнула, и в полутьме блеснула золотая коронка.

— Раз тебе Валька дала адрес, значит, есть за что. Она его кому попало не даёт. Чего надо?

— Поговорить с ней.

Да, я знала, что у тёти Вали была связь и телефон. Об этом мало кто догадывался, потому что она его искусно прятала. А может, платила кому из надзирательниц.

— Ну хорошо, — протянула Галя, подумав минуту. Глаз с меня не сводила. — Она сама наберёт, как проверка пройдёт вечером. Приходи в девятом часу.

Всё во мне окаменело, ведь в десять надо было уже лежать

у Розы в койке. А отсюда до Слободки ехать минут сорок автобусом. Тем не менее я кивнула.

Галя уже взялась за ручку двери, но тут остановилась и ткнула пальцем в мой пакет.

— А это что у тебя?

— Ничего особенного, просто шмотки.

— Ну да, — усмехнулась она. — Ты б это бельё спрятала куда, а то с ним палишься.

Я уже знала место, где никто не найдёт.

Выйдя на улицу, я нырнула в рыночные палатки и купила там садовый совок, три строительных мешка и моток скотча, а после поехала на кладбище.

Жара стояла такая, что хотелось стянуть с себя кожу. На дороге трещали цикады в сухой траве. В такую погоду лежать бы под кондиционером где-то, а я копалась на могиле у собственной матери.

Земля была сухая, и совок то и дело отскакивал от мелких камней. Пришлось полить на неё из пластиковой бутылки, чтобы хоть немного увлажнить.

Казалось бы, дело пятиминутное, но я возилась почти час. Под обкусанными ногтями застряла глина, а на ладонях вздулись мозоли.

Когда я вырыла яму, осталось дело за малым. Упаковав ноутбук в три мешка, я перемотала всё обильно скотчем, чтобы не прошло ни капельки воды. Всё уложила под табличкой и, засыпав, утоптала, а сверху набросала сухой травы.

Со стороны холмик выглядел вполне обыкновенным. Без меня точно никто не найдёт.

— Посторожи, мам, — попросила я и, не выдержав, добавила: — Я не воровала ничего. Твоя дочь чиста.

Три с половиной года я хотела это сказать, и вот... Мне никто не ответил.

Я сидела вся в грязи и вытирала лицо ладонями, размазывая по щекам глину. Мимо прошла старушка. Покосившись на меня, она перекрестилась. Наверное, решила, что я недавно кого-то похоронила. В каком-то смысле так и было.

Когда наступил вечер, я поехала к Гале. Женщина проводила меня в подсобку и пихнула в руки старый кнопочный телефон.

— Жди, — приказала она и вышла.

Я покорно примостилась на каком-то ящике и неотрывно смотрела на время на крохотном экране, потому что циферки уже приближались к девяти, а надо ещё добежать до остановки и доехать.

Но совсем скоро телефон зажужжал, и я быстро нажала кнопку.

— Ну? — раздался в трубке знакомый прокуренный голос.

На заднем плане я слышала тошнотворные звуки тюрьмы, когда надзирательницы проходили и орали, что всем пора спать.

— Это я, тётъ Валь, Ника.

— Да я в курсе. Галя уже написала сообщение. Быстро же ты к ней припёрлась. Я ставила на то, что хотя бы месяц продержишься.

— Ну вот так получилось, — заблеяла я.

— Хорошо, тогда говори, только в темпе вальса. У меня, как ты понимаешь, здесь не санаторий.

Коротко рассказать обо всём не получилось. Я всё время уходила в детали, а тётя Валя возвращала меня к сути. Упомянула Артёма и его голосовые, а также мужиков, что приходили ко мне в комнату. Речь сбивалась, потому что я торопилась вывалить всё.

— Там на бумагах пометки, — закончила я. — Все большие суммы уходят некоему А.Л. через порт.

— А не Аркадий ли это Львович? — протянула тётя Валя, немного подумав. — Он же и москвич у нас.

— Кто это?

— Тот, кому твой хмырь тапочки в зубах приносит, вот кто. Большой человек. В столице сидит, а у нас лазает ужом по портовым щелям. Порт у нас, девочка, жирный. Через него всё идёт, что в страну направляется и обратно тоже.

— Так, а что? Почему он до сих пор не влез в порт, раз такая большая шишка?

— Потому что порт не его. Порт — это Моро.

От этого имени у меня побежали мурашки. Не знаю почему. Я его раньше слышала краем уха. Когда-то давным-давно мама смотрела новости и его обронила, а после Артём упо-

мянул в гостях, понизив голос. Но я никогда не представляла его себе в голове.

— Кто он? — зачем-то зашептала я.

— Хозяин. Без его слова в порту мышь не проскочит, и если Львович что-то своё гоняет, то делает это в обход Моро. Но суть в том, что это всё дело времени. — Тётя Валя закашлялась, а после захрипела: — Вот тебе и тот, кому все твои недруги поперёк горла. Рада, что нашла?

Я пока сама не определилась в чувствах. Меня, если честно, сейчас слегка знобило, даже несмотря на то, что я находилась в душной подсобке.

— Ты его знаешь? — спросила я.

— Ага, когда пацаном был. Злой такой. Вырос — стал ещё и опасным. — В её голосе появились стальные нотки. — А теперь слушай сюда, Зорина, и внимательно. Моро — не твой бесхребетный Артёмка. С ним не поиграешь и глазками не похлопаешь. Наврёшь с три короба, он тебя сожрёт с потрохами и не подавится. Таких, как ты, он за версту видит.

— Да я и не собиралась с ним играть.

— А чего тогда будешь делать? Бумажками своими пойдёшь с ним торговать? Так он их заберёт, а после тебя найдут в заливе где-нибудь. Ему, девка, живой свидетель не нужен. Да, собственно, он никому не нужен. Ни Моро, ни Львовичу. Ты им обоим помеха, и каждый попытается тебя убрать по-своему.

— И что мне делать?

У меня даже дыхание от этих слов перехватило.

— Ты у нас умная, вот и думай, — ехидно заметила тётя Валя. — Но могу подсказку дать: к нему надо идти с тем, чего он у тебя сам не отнимет. Во всех остальных случаях лучше вообще ему на глаза не показывайся и уезжай как можно дальше. Любыми способами.

— Не могу уехать. У меня запрет на выезд.

— Запрет на выезд, — карикатурно передразнила меня тётя Валя. — До сих пор честная и чистая, а лезешь, куда не надо. Ладно, это уже не моя забота. Ты думай быстрее, пока думалку не оторвали. Всё, у меня конвой. У Гальки деньги возьми, потом отдашь.

И отключилась.

Я как сидела с телефоном в руке, так и замерла на несколько секунд. Кажется, даже не дышала. Ничего не видела перед собой, просто пялилась в пустоту. Что же мне теперь делать? Как же я влипла!

Вошла Галя и взяла из моих окаменевших пальцев телефон. Пришла я в себя, только когда увидела, как она мне впихнула в ладонь пять тысяч рублей.

— Валька потом отдаст, — буркнула женщина. — Или ты. Мне без разницы. Я всё равно тебя запомнила.

— Галя! — вскочила я. — Где искать Моро?

— У-у-у, деточка, куда тебя занесло, к нему не стоит...

— Меня уже предупредили, я о другом спрашивала.

Она глубоко вздохнула и покачала головой.

— По пятницам он откисает в «Сирене» на набережной. У него закрытая ложа наверху. Но туда простых смертных не пускают. Хотя... Знаешь что, уже без разницы, — махнула Галя рукой, кинув на меня взгляд, будто я совсем пропащая и мне ничего больше не поможет. — Ходит к нему девка одна, их официантка. Может, с ней получится договориться.

— А вы откуда знаете? — усомнилась я.

Но эти тётки, думаю, много чего знали и умели. В отличие от меня, в тёмном мире крутились дольше.

— Я, милочка, двадцать лет работаю в этой рюмочной. Знаю, кто с кем спит и кто кому должен, иногда даже у кого жопа прыщами пошла, хотя это не очень интересная информация. — Открыв дверь в зал, она кивнула. — Иди уже. Автобус свой пропустишь.

Ой, и правда!

Меня будто холодной водой окатили и вывели из оцепенения. Я рванула на выход, прощаясь с Галей на бегу.

К подъезду я успела. Но когда шла по своей улице, всё озиралась в поисках серой «Камри». На мою удачу, её во дворе не оказалось.

В комнате я тут же рухнула в постель, даже не раздеваясь. Лежала и раз за разом прокручивала разговор с тётей Валей. Да с чем же мне к нему идти, чтобы не отнял? Прямо загадка из сказки. Пойди туда, не знаю куда.

Бумаги он отнимет, как и ноутбук. У таких людей, если верить страшилкам тёти Вали, есть способы разговорить че-

ловека. Жизнь мою Моро тоже с лёгкостью заберёт. А чего ещё-то предложить?

Глава 8

Ника

В колонии у нас была скромная библиотека, если её можно так назвать, и там две полки кто-то забил детективами, одну — дамскими романами и последнюю — разными кодексами. Я сразу же прочла Конституцию. Не знаю почему. Мне запомнилась одна статья, над которой я смеялась, лёжа на шконке. До слёз тогда пробрало. Там говорилось, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого. А я это сделала по совету адвоката. Под каждым протоколом поставила свою закорючку.

Дальше было, что и против супруга я имела право ничего не говорить.

Сейчас всё это крутилось вихрем в голове.

Для Моро я опасна поэтому он может и утопить меня где-нибудь, ведь сегодня я молчу, а завтра меня прижмут, и я выложу, кому отдала бумаги, что видела и где. Жену же про мужа закон разрешает не спрашивать, и поэтому она может молчать. Её за это никто не посадит. Из этого следовало, что и закапывать меня не придётся.

Зато против Львовича я могу много чего наговорить. Только я знаю, откуда взялись эти договоры и что значат пометки.

Но самое важное во всём этом, что жена Моро — это уже

не бывшая баба Соловьёва, до которой никому нет дела, и её даже не хватятся. Если меня тронут, всем не поздоровится, поскольку жена Моро — неприкасаемая.

Ко всему прочему, он не сможет у меня отнять поставленный штамп, и убить не получится. Будет сразу всё понятно.

Я села на койке и вся вытянулась.

План был хорош, теперь осталось его воплотить в жизнь.

Зорина, ты больная на всю голову. Свататься к бандиту, которого в глаза не видела... Да ты чокнутая. Его ж даже тётя Валя боится, вон как голос-то присел.

Я снова легла и закрыла глаза. А какие у меня ещё варианты? Их нет. Вот и всё.

Утром, как только проснулась, я пошла в библиотеку на Садовой. Там, за пятьдесят рублей в час, можно было посидеть за компьютером. И, конечно же, я искала всё про Моро, листая страницу за страницей. Однако ничего так и не нашла. Ни фотографии, ни настоящих имени и фамилии, будто человека и не существует. Один только пьяный дальнбойщик на каком-то вшивом форуме изливался, что у Моро в порту без отката и трусы не разгрузишь. Ещё где-то мелькнула заметка, что он находился на благотворительном вечере в пользу детского хосписа. Но снимка к этой статье не прилагалось.

Мне ничего не оставалось, кроме как пойти вечером к «Сирене» и наблюдать. Этот клуб расположился на набережной. Рядом в воде покачивались дорогие яхты. Пока туда не

набежала толпа, он казался пустым. Я долго смотрела на чёрное стекло почти во всю стену. У двери скучающе ходил туда-сюда охранник. Место для богатых людей. Точнее, не так: для тех, кто хотел оставить тут свои деньги. Помню, как я проходила с Артёмом мимо таких заведений, и он говорил, что туда ходят только бандиты и элитные проститутки. А вот мне интересно, он-то это откуда знал?

Сидеть здесь и ждать я не хотела, поэтому вернулась на улицу и обошла здание в поисках служебного входа. Там картина была вполне обычная: курилка под пожарной лестницей, на ящиках консервная банка, набитая под завязку окурками.

Через дорогу находилась остановка, и я села туда, купив в ларьке упаковку семечек. Стала наблюдать.

Совсем скоро начали подтягиваться бармены с рюкзаками, повара и охранники. Также я видела проходящие мимо стайки девушек. Все они были в толстовках и кроссовках, тащили с собой огромные сумки на плечах. Без косметики они напоминали студенток. Я не могла разобрать, кто из них танцует, а кто разносит подносы. Но уже вскоре поняла.

Три с половиной года в тюрьме учат многому, в основном там ты изучаешь людей. Кто сутулится, кто, наоборот, ходит с идеально ровной спиной. Кто куда смотрит, когда думает, что никто не видит. Раньше мне эти знания были ни к чему, я и так всем верила, но в колонии без этого не выжить. Если не заметишь вовремя, кто на тебя косо взглянул в столовой,

ночью останешься без зубов, и это в лучшем случае.

Полученный навык наконец пригодился.

В какой-то момент я увидела, что в курилку вышла невысокая и худая девушка с тёмным каре. Она нервно закурила и только глубоко затянулась, как из двери высунулся лысый бармен и бросил:

— Лик, завтра будет хозяин. Эльвира сказала, ложа твоя, не опаздывай.

— Вот чёрт! — тихо выругалась девушка, но бармен не услышал, потому что уже скрылся.

А она всё продолжала стоять и прижимать сигарету к губам. Её нога подёргивалась.

Тут у неё зазвонил телефон, и она ответила, отвернувшись к стене.

Сейчас было тихо, и до меня долетало почти всё.

— Привет, мам. Сколько? Тридцать восемь и пять? Дай красный сироп в шкафчике... Не могу я завтра, мам, я же говорила... Да знаю я, что пятница. Меня выгонят, если я...

На том конце, видно, бросили трубку, и она глухо выругалась, посмотрев на экран. После вдавила окуроч в банку и ушла внутрь.

Я же ещё немного посидела, наблюдая за остальными, а потом запрыгнула в подъехавший автобус, потому что мне уже надо было домой.

Но информацию я получила. Значит, у неё ребёнок с температурой, и она этого Моро побаивалась, однако работу те-

рять не хотела: он явно платил ей много.

Сама того не заметив, я разложила незнакомого мне человека на части. Раньше мне бы стало от этого стыдно, а сейчас было некогда думать о том, как быть хорошей девочкой.

На следующий день я снова пришла к «Сирене» сильно заранее и дождалась, когда эта девушка выйдет покурить.

Она показалась чуть позже, чем я ожидала, на лице был макияж, но пока ещё не переделалась, и на ней висела почти безразмерная толстовка.

— Лирика? — позвала я, приближаясь к ней.

Девушка вздрогнула и настороженно посмотрела на меня, почти полностью замерев.

— Да, — протянула она.

— Как у дочери температура? — пошла с козырей я и увидела, как в её глазах появилась злость вперемешку со страхом.

— Ты кто такая? Откуда?..

— Ты вчера громко говорила по телефону. — Я остановилась рядом и прислонилась к стене. — Я не из полиции, просто хочу помочь. А ты, в свою очередь, поможешь мне. Взаимовыгодная сделка.

— Чего ты хочешь?

Я старалась выглядеть расслабленно и беззаботно, чтобы не пугать Лику, и у меня даже накопились нужные слова, которые именно в этот момент и вылетели все разом. А во рту неприятно пересохло, отчего я сглотнула.

— Сегодня я пойду в ложу, а ты отправишься к своей дочке.

Ли́ка уставилась на меня, а после нервно засмеялась.

— Ты больная?

— Да вроде нет.

— Ты хоть знаешь, кто там сидит?

— Именно поэтому мне туда и нужно.

— Зачем?

— Надо с ним поговорить.

Она снова рассмеялась, даже немного зло, а после произнесла:

— С ним не разговаривают, дура. Он мне и двух слов не сказал за всё время. Я танцую, он смотрит и монету свою по пальцам гоняет. Даже не лапает меня. — Ли́ка глубоко затаилась и выдохнула струю дыма. — А я потом до утра трясусь, как после отходняка. И так каждую пятницу. Потому что не знаешь, то ли он тебе чаевых даст, то ли пристрелит.

Я слушала её и понимала, что девушке надо выговориться.

— Он хорошо платит, — добавила Ли́ка тише. — За вечер пятнашку оставляет. Это больше, чем даёт Эльви́ра за неделю.

— Он и сегодня оставит, — ответила я. — Скажу, что это для Ли́ки и что ты заболела.

— А если узнает?

— Ничего не узнает. Не бойся. Все же могут заболеть.

Я достала конверт, в который положила всё, что наскребла

у себя: Галины пять тысяч и мои остатки.

— Это тебе. Честно, больше у меня нет.

Ли́ка задержала взгляд на моих трясущихся руках и обкусанных до крови ногтях, с ещё неотмывшейся кладбищенской глиной.

— Ты чего его... убить хочешь? — вдруг прошептала Ли́ка, подойдя ближе.

Я бы засмеялась, если бы мне самой не было страшно.

— Чем? Этим? — Моя вторая рука поднялась к первой и так же подрагивала. — Да я и чашку с чаем не донесу.

Ли́ка долго на всё это смотрела, о чём-то размышляя, а затем решила и, забрав конверт, сунула его в карман толстовки. Сама подошла ещё ближе и быстро заговорила, оглядываясь на дверь:

— Слушай тогда внимательно. Он приезжает в одиннадцать. Полдвенадцатого бармен даёт мне поднос и ключ от ложи, а я поднимаюсь по задней лестнице. У двери будет стоять тупой амбал. Зовут Стасом. Он смотрит на поднос и на сиськи. Скажешь ему, что тебя прислала Эльви́ра. Форму я тебе отдам. — Её взгляд скользнул по моей фигуре. — В груди будет маловата тебе, ну и ладно, ему так даже лучше. В двадцать минут двенадцатого жди меня на задней лестнице между первым и вторым этажом. Поднос у бармена я сама заберу. Если что, ты у меня форму украла, поняла?

— Договорились.

— Он пьёт виски со льдом. Принесёшь, нальёшь и сразу

кинешь лёд в стакан.

— Хорошо.

Лица кинула окурок в банку и бросила на меня последний взгляд.

— Ты реально чокнутая.

С этими словами она скрылась за дверью.

Что ж, я в курсе. Но по-другому уже нельзя.

Весь вечер до десяти я бродила по набережной, любуясь шикарными яхтами, и старалась не думать о времени. Мимо меня шли парочки и семьи с детьми. Все болтали, смеялись и беззаботно ели на ходу еду из фастфудных киосков. Никому из них не надо было к десяти лежать на койке в клоповнике.

Когда я взглянула на часы над аптекой и там высветилась цифра моего комендантского часа, внутри всё будто покрылось ледяной плёнкой. Я отчётливо представила пустую кровать у Розы. Завтра хозяйка скажет правду инспекторше, а та сразу же накажет бумагу. И дальше суд и отсиживать оставшийся срок.

Вот и всё, Зорина. Дороги обратно больше нет. Либо Моро, либо зона.

От этого начало морозить, и даже зубы чуть стучали друг о друга. Я попыталась обнять себя, чтобы успокоиться, но это слабо помогало.

Так и сидела ещё час, борясь со всеми страхами мира и вдыхая, может, последний воздух свободы... или жизни. Я не знала точно.

В одиннадцать к главному входу подкатил чёрный джип, и из него вышли трое. Самый крупный чуть припадал на правую ногу. Его лица я не разглядела, потому что мужчину тут же проглотили двери клуба.

Чуть подождав, я пошла к заднему входу. И именно в этот момент мой взгляд скользнул вбок, и я увидела серую «Камри». Она стояла на другой стороне улицы в тени. Фары у неё были выключены.

На секунду я даже остановилась, и мои ноги словно приросли к асфальту.

Это ведь та же... Или нет? Да мало ли сколько серых машин в городе. Правда, эта стояла так, будто кого-то ждала.

Меня? Да откуда им знать, что я здесь? Я сама ещё вчера утром не предполагала, что пойду сюда. И никому точно этого не говорила.

Тогда они ждали не меня. Может, какого-то должника или за чьей-то женой следили. В этом городе, как выяснилось, все друг у друга на виду.

Прижавшись к стене, я прошла вдоль неё, прячась в темноте. Сердце желало вырваться из груди.

В курилке никого, а железная дверь была чуть приоткрыта, выпуская наружу тяжёлые звуки басов. Туда я и скользнула.

На лестнице меня уже ждала бледная Лика с пакетом в руках и размазанной помадой.

— Думала, не придёшь, — прошипела она. — Давай быст-

рее, у меня такси через десять минут.

Когда мы заперлись в туалете, девушка стянула с себя форму прямо при мне, даже не стесняясь, и почти кинула в меня, потому что явно спешила.

Я быстро оделась, а она резво мне помогала.

Чёрный корсет затягивался на спине крючками, и Лика их сама застёгивала, дёргая так, что у меня вышибало воздух. Так-то я худая, а грудь и попа всегда были большими. Из-за этого одежду я подбирала себе с трудом. Юбку даже не хотелось называть юбкой. Какое-то недоразумение. Подтянув чулки, я увидела на них кружевную резинку. А ещё мне пришлось натянуть туфли на шпильке на полразмера больше. Я давно такую обувь не носила и сейчас еле на них стояла.

— Волосы, — поморщилась Лика. — Что у тебя с ними?

— Парикмахерша была не очень, — попыталась пошутить я.

Вдаваться во все прелести тюремной жизни не собиралась.

— Криво тебе их отрезали.

Она вытряхнула из косметички гель и выдавила мне на ладонь целую горсть, велел зачесать всё назад. Потом накрасила губы своей ярко-бордовой помадой и отступила на шаг.

— Сойдёт. Всё равно темно. Не будет тебя разглядывать.

Повернувшись к зеркалу, я осмотрела себя. Да, это какая-то незнакомка в отражении. К тому же очень бледная и с кругами под глазами. Всё худое, а грудь выделялась. Ну,

собственно, так и предполагалось. Выглядела я дёшево и доступно. Такую покупают на час и тут же забывают, как зовут.

Меня бы даже Артём не узнал. Кстати, пиджаки в серой машине тоже не узнают, если они за мной. Может, это и хорошо.

— Держи. — Лика сунула мне в руку ключ.

Затем взяла поднос с подоконника, где уже стояла бутылка виски, два стакана и ведёрко со льдом. Я знала, сколько стоило это пойло. Артём любил заказывать его при партнёрах, чтобы все видели этикетку.

— Ну всё. Готова, — выдохнула Лика, критически меня осматривая.

У неё зажужжал телефон, и она, натянув толстовку, схватила сумку и пошла к двери. Там обернулась.

— Если от тебя там... — Девушка не договорила и махнула рукой. — Удачи, короче, чокнутая.

Я осталась одна и несколько секунд дала себе, чтобы чуть успокоить дыхание. Но, кажется, чем ближе я оказывалась к Морю, тем сильнее нервничала.

Да бесполезно брать себя в руки. Не получится. Просто надо пойти и всё сделать. А там будь что будет.

Взяв поднос, я пошла. Он оказался тяжелее, чем я думала, и всё содержимое подрагивало в такт моему телу, что сейчас тоже тряслось. Я прижала локти к бокам и пошла вверх по лестнице, цокая шпильками.

На третьем этаже музыка звучала глуше. А в конце кори-

дора я увидела чёрную дверь. Туда-то мне и надо. У неё стоял парень в костюме, с наушником в ухе и совершенно пустыми глазами. Это, наверное, и был тот самый Стас. Как и говорила Лика, он посмотрел на поднос и перевёл взгляд на корсет. По лицу лишь мельком проехался.

— А Лика где? — пробасил он.

— Заболела, — осипшим голосом произнесла я, и пришлось прочистить горло. — Меня Эльвира прислала.

Заветные слова долетели до его мозга, и он дал мне зелёный свет, отступив от двери. Ему было всё равно, чьи сиськи понесут хозяину виски.

На секунду я замерла. Ещё можно развернуться. Просто сунула бы Стасу поднос, спустилась и растворилась бы в ночи. А после досидела бы свои три с половиной года. Могла ещё уехать куда-нибудь в глушь, найдя деньги и людей, нарушив запрет. Но тогда бы всю жизнь вспоминала голос Артёма с той записи.

Я перехватила поднос и, задержав дыхание, вошла в комнату.

Глава 9

Ника

Я чувствовала металл у виска. За стеклом гремели басы, и каждый удар отдавался в затылок.

Интересно, я услышу выстрел? Или просто всё сразу погаснет и мир исчезнет?

В груди ещё билось сердце. Ну вот и конец.

Вдруг стекло за спиной дрогнуло и толкнуло меня прямо в лопатки. Потом ещё раз. И уже следом донёсся частый треск, словно петарды поджигали.

Ствол у виска исчез, а я открыла глаза.

Но всё настолько быстро происходило, что я не успела ничего понять.

Моро сгрёб меня в охапку, швырнул на пол и рухнул сверху, придавив всем своим немалым весом. Отчего воздух вмиг вылетел из лёгких. Я проехала щекой по ворсу ковра, и в эту же секунду зеркало над нами разлетелось в крошку. Оно со звоном посыпалось, часть упала на спину Моро. Стол, поднос, пол — всё было в блестящих кусочках.

И тут же ворвались басы клуба. Музыка гремела на полную мощь, мешаясь с визгами и топотом сотен ног. Диджей то ли ничего не понял, то ли сбегал, не выключив пульта, поэтому гроыхало сильно.

Снова послышались хлопки, и в стену врезались пули,

сбив штукатурку в пыль. Бархатному дивану тоже досталось, и из него теперь торчали белые клочья.

В нас стреляли снизу. Прямо по ложе.

Лёжа лицом вниз, я не могла даже закричать, потому что меня придавливало знатно. Моро закрывал меня целиком. Он тяжело дышал, а его руки упирались в пол, по обе стороны от моей головы. Пистолет всё ещё был при нём.

— Лежи, — рыкнул он мне, и тяжесть исчезла.

Приподняв голову, я увидела, что Моро встал на одно колено у края рамы и неторопливо прицелился. Его лицо оставалось спокойным и непробиваемым. Секунда, и он выстрелил два раза. Внизу кто-то резко закричал. А после ответили такими же хлопками.

Но Моро даже не пригнулся, лишь чуть сдвинулся за раму.

— Один есть, — процедил он себе под нос. — А где второй, сука?

И будто бы отвечая на его вопрос, за дверью глухо хлопнуло и послышалась возня. Но всего на несколько секунд, дальше ручка дёрнулась, но дверь не поддавалась, потому что я сама её закрыла, когда заходила сюда.

В коридоре выругались, а Моро развернулся на колене и трижды выстрелил прямо в дверь. Её куски разлетелись щепками, а снаружи что-то упало. И всё сразу затихло.

Поднявшись, Моро внимательно осмотрелся. Под ботинками захрустело стекло. Только сейчас я заметила, что по его

скуле течёт кровь, но он, кажется, её вообще не замечал.

Он шагнул ко мне и рывком поставил на ноги.

— Бумаги где? — спросил Моро.

Я уставилась на него, потому что у меня в голове не укладывалось, как вообще можно про это спрашивать, когда вокруг такое.

— Н-не здесь. Я же говорила... — проямлила я, заикаясь.

— Выбиваешь себе условия? Хорошо.

Поймав моё запястье, он сжал так, что хрустнули костяшки. В другой руке Моро держал пистолет. Мужчина потянул меня к двери и, повернув ключ, толкнул её. Правда, та не поддавалась: снаружи что-то мешало. Тогда он навалился на неё плечом.

На полу лежал Стас, с выпавшим наушником и открытыми глазами. Под парнем расплзлось тёмное пятно, а рядом с ним находился второй мужик в спортивной куртке и с пистолетом. Из дырок в ткани тоже текло.

Я вдруг вспомнила слова Моро про то, что на одного охранника у него станет меньше. Они оказались пророческими, хотя вряд ли он это имел в виду.

Меня замутило, и я качнулась, подвернув ногу.

— Не смотри, — бросил Моро. — За мной.

Переступив через Стаса, он дёрнул меня за собой. От неожиданности я поскакала и потеряла одну туфлю. Пяткой наступила на что-то мокрое, но не хотела даже думать, на

что.

Внезапно из-за угла вылетели двое в костюмах и с оружием наготове. Я было шарахнулась назад, но Моро даже не замедлил шага.

— Живой? — выдохнул один и перевёл взгляд на меня.

— Живее некоторых. Где Тихий?

— У заднего входа, машину подогнал.

— Один, в чёрной футболке, остался у бара. Взять живым. Этого убрать. — Он мотнул головой на тело у стены.

Мужчины кинулись обратно, а мы повернули к задней лестнице.

Я бежала по бетонным ступенькам в одной туфле, и в какой-то момент шпилька подвернулась, и я чуть не покати-лась вниз. Однако Моро удержал меня, перехватив за талию. Чуть задержал на мне взгляд и потащил дальше.

Как-то на бегу я умудрилась скинуть вторую туфлю, чтобы больше не спотыкаться.

Моро хромал, и я это смогла разглядеть только здесь. В ложе это не бросалось в глаза, но сейчас, на бегу, он заметно припадал на правую ногу на каждой ступеньке, и всё равно шёл быстрее меня. А я не поспевала и цеплялась свободной рукой за его предплечье, чтобы не отстать. Если отстану, то всё. Весь мой план полетит в трубу.

Мы вошли на кухню, где по углам сидели ошалелые повара.

Одна девчонка завизжала, увидев пистолет, но Моро даже

не взглянул на неё. Он просто пёр, как танк.

Когда мы оказались на улице, там уже ждал чёрный джип.

Моро впихнул меня внутрь, сам же ввалился следом и захлопнул дверь.

— Гони, — приказал он, и машина рванула с места, отчего меня отбросило на спинку сиденья.

И в ту же секунду я увидела, как сбоку зажглись фары. Повернув голову, поняла, что это та самая «Камри». Получается, они всё-таки за мной поехали. И это я их сюда привела.

Мы пронеслись мимо них, и сзади хлопнуло очередью. Прямо в стекло, на котором тут же появились белые звёздочки.

Я вскрикнула, а Моро пригнул мою голову к своим коленям.

— Не ори. Это бронь.

Стекло действительно не рассыпалось, однако звёзд на нём стало больше, когда по нам выстрелили ещё. Джип вылетел на набережную, и нас мотнуло на повороте.

— Сколько на хвосте? — спросил он.

— Один, — буркнул водитель негромко. — Жорин пёс.

— Скинь в сосняке.

— Как скажешь.

Я сидела, согнувшись пополам, и чувствовала его горячую ладонь у себя на затылке. Мотор ревел, а мимо проносились огни города. Через какое-то время мы въехали на тёмную дорогу. Рука Моро соскользнула с моей головы, но я так и

не решилась сесть прямо, всё прижималась к его коленям и подсматривала в лобовое стекло.

В какой-то момент водитель выключил фары, и мы просто неслись в полной темноте.

Сейчас же врежемся, и нас размажет о первую попавшуюся сосну! Жоре даже стрелять не придётся!

Внутри всё замерло, а пальцами я вцепилась в ноги Моро. Но тут джип резко ушёл вбок и нырнул в какую-то щель между деревьями. Там остановился, тихо урча мотором.

Через несколько секунд по трассе пронеслись фары и улетели дальше в темноту, догоняя тех, кого уже не было на дороге.

— Постоим немного, — бросил Моро.

В наступившей тишине я услышала своё дыхание, и оно было очень громким, будто я долго бежала. Мои пальцы продолжали хвататься за Моро. Я скрутила ткань в кулаки и не хотела отпускать. Но надо. И сейчас всё вроде успокаивалось.

Я разжала ладони и выпрямилась, глядя на них.

Они дрожали. Сколько же было в этот месяц моментов, когда они не тряслись? Очень мало. Сейчас я осознавала, что меня увёз куда-то человек, который полчаса назад приставлял мне к виску пистолет.

Я увидела платок у Моро в петлице и посмела его вынуть, после протянула ему.

— У тебя... скула.

Он провёл пальцами по щеке и, посмотрев на них, хмыкнул.

— Это от стекла.

Больше он ничего не добавил. Забрал у меня платок и прижал к порезу.

И тут мне в голову ворвалась дурацкая и неуместная мысль, которая тут же сорвалась с языка:

— Мне надо было быть к десяти дома.

Водитель впереди шевельнулся, а Моро медленно повернул ко мне голову.

— Что?

— У меня УДО, и с шести утра до десяти вечера я должна быть по месту жительства, — выпалила я глухо, но остановиться уже не могла. — Я специально нарушила, чтобы прийти к тебе.

Он секунду на меня смотрел, а потом рассмеялся хриплым смехом, до странности человеческим. Откинул голову на подголовник и хохотал, прижимая платок к порезу, а я чувствовала, как у меня горят щёки.

— В меня сегодня стреляли в моём же клубе, — проговорил он, когда успокоился. — Положили моего человека, разнесли ложу, в которую я никого не впускал, а она переживает, что опоздала отметить.

— Это не смешно, — буркнула я. — Меня обратно посадят.

— Опоздала ты, невеста. Хорошо так опоздала. — Он по-

стучал костяшками по спинке переднего сиденья. — Домой, Тихий.

Машина тронулась, и мы выехали на трассу, так и не включая фар.

Я взглянула на коротко стриженный затылок водителя. Это его человек, видимо, один из приближённых. В зеркале заднего вида на миг мелькнули его глаза и остановились на мне. Там не было ни злости, ни даже любопытства. Для него я чуть лучше мусорного бака.

Я отвернулась к окну, думая о своём УДО.

Нашла себе защитника, дура. Теперь поздно выбирать.

Дальше мы ехали по прямой дороге, в конце которой я увидела много огней, освещающих огромный особняк. Фонари были по всему периметру, а сверху горел прожектор. Когда мы добрались, ворота сами разъехались. У будки стояли двое с собаками.

Я смотрела по сторонам и всё запоминала. Забор метра три, а наверху мигали камеры. Не хватало лишь колючей проволоки, чтобы походило на тюрьму. Правда, довольно-таки дорогую.

Дом выплыл из темноты белыми колоннами. Я такие только в сериалах видела про богатых наследников. Широкое крыльцо, двери огромные.

Моро вылез из машины, обошёл её и открыл мою дверь. Нет, он не был вежливым, просто я всё делала немного заторможенно, а он ждал.

Наступив на твёрдый гравий, я чуть дёрнулась, потому что, оказывается, порезала ногу и только сейчас это почувствовала. Наверное, наступила на что-то.

В доме пол был, конечно же, из мрамора, и по нему тут же потянулись красные следы от меня.

— Моро? — услышала я женский голос и подняла голову.

На лестнице стояла высокая и тонкая женщина в шёлковом халате. Ухоженные волосы, красивая. Явно проводила много времени в разных салонах. Она осматривала меня с головы до ног. И да, я на её фоне выглядела жалко: дешёвые шлюшьи шмотки не добавляли глянца, скорее, наоборот.

— Ты в крови, — протянула она, переведя взгляд на Моро.

— Заживёт, — отрезал он.

— А это?.. — Бокал, что девушка держала в руках, качнулся в мою сторону.

— Потом, Ася. Иди спать.

Она на секунду задержалась, а после, не торопясь, ушла куда-то вглубь дома, слегка покачивая бёдрами.

Наверняка это его женщина. Кто ещё будет встречать мужчину в первом часу ночи?

Ну и ладно. Мне-то какое дело? Я в его постель не собираюсь залезать. Мне от него нужен лишь штамп в паспорте.

Меня провели на кухню, которая по размерам была больше маминой квартиры. Всё здесь блестело, а над огромным столом висели лампы. Немного напоминало операционную.

Теперь, при свете, я рассмотрела Моро. Лет ему, наверное, под сорок. Он был тяжёлым и с виду неповоротливым, с обветренным лицом. Красив, но своей мужской красотой, не слащавой.

Меня никто никуда не звал и не сажал, поэтому я так и осталась стоять посреди кухни со сцепленными за спиной руками.

Моро плеснул водой в лицо и стал вытирать скулу. Порез оказался длинный, но неглубокий, а кровь уже почти не шла.

— Пристрели её, — буркнул Тихий.

Это... они сейчас обо мне?

Внутри всё сжалось.

Ни один из них на меня не взглянул, а Тихий продолжил:

— Из-за неё Жора полез в «Сирену», не побоявшись полного зала людей. Стаса нет. Одного из наших зацепили у кухни, оклемается. Завтра весь город будет знать, что по Моро палили в его же клубе, а он отстреливался, как пацан из подворотни. — Он на секунду замолчал и добавил: — Её пасли, а она их притащила прямо к тебе. Выбьем, где бумаги, а её в залив.

Он говорил обо мне, как о вшивой кошке. У меня от страха отнялись ноги, и я вцепилась пальцами в край стола, чтобы не упасть. Во рту опять язык присох к нёбу.

— Я не знала про машину, — выдавила я жалко. — Видела её во дворе, где я живу, и сегодня у клуба. Не думала, что это за мной.

Тихий впервые повернул ко мне голову, а после снова посмотрел на Моро.

— Слышал? Видела и пошла.

Тот бросил салфетку в раковину и взял следующую.

— Думала она, — протянул он. — Ты, невеста, вообще много думаешь, а толку?

У меня опять вспыхнули щёки, но на этот раз от злости на него. Внутри всё вмиг вскипело, и страх как-то сам испарился.

— Толк есть, — ответила я севшим голосом. — Они стреляли, значит, так боятся этих документов, что готовы рискнуть войной с тобой. И это только доказывает, что бумаги настоящие. Вы же... ты же хотел это проверить? Ну так вот... Проверил.

Тихий хмыкнул, а Моро скомкал салфетку и, бросив её вслед за первой, наконец повернулся ко мне. Я увидела его светлые, ледяные глаза, по которым вообще ничего не было понятно.

— Складно щебечешь, — одобрил он. — Жаль только, что ты придумала это сейчас, пока Тихий меня уговаривал.

— А что? Скажешь, неправда?

Он вытащил монету, и она поползла по его костяшкам. Теперь я могла разглядеть её лучше: маленькая, медная, почти полностью стёртая. Она лениво ползла от мизинца к указательному, и я, не отрываясь, смотрела на неё, потому что не могла выдержать его взгляда.

В ложе я тоже загипнотизировалась ею, пока она не замерла и не исчезла у него в кулаке, а после он велел мне закрыть глаза.

— Ты бы выстрелил? — вдруг спросила я, сама не зная зачем. — Если бы не они.

Монета не остановилась, а он ответил:

— Пулей скучно, невеста.

Я ничего не поняла, лишь заметила, как у Тихого дёрнулся уголок рта. Похоже, он-то как раз расшифровал его фразу.

— Что это значит? — не унималась я.

— Повезло тебе, — отрезал Моро и, выдвинув стул, рухнул на него, вытянув ногу и поморщившись.

Впервые за всю ночь в его лице что-то дрогнуло, правда, всего на миг.

— Значит, так, — начал он. — Слушай, Тихий. И ты слушай, пепел. Сегодня Львович стрелял в моём клубе. Двадцать лет этого никто себе не позволял в моём городе. За такое отвечают, и он тоже ответит.

— Моро... — начал Тихий.

— Не перебивай, я не закончил. Бумаги у неё настоящие, раз Жора полез на рожон. А он, как мы знаем, без приказа и в сортир не ходит. — Он перевёл взгляд на меня. — Где они лежат, ты мне не скажешь.

— Только после сделки, — выдохнула я.

— И правильно. Пока не сказала — живая, а мёртвую Львович достанет из любой ямы и бумажки вместе с ней. —

Он цокнул языком. — Ты мне нужна живая и с моей фамилией.

У меня перехватило дыхание, потому что я боялась в это даже поверить.

— Ты... согласен?

— Женюсь.

Тихий отлепился от косяка, но ничего не сказал, а Моро продолжил:

— Только ты кое-что перепутала, невеста. Ты ставила условия, что, когда расквитаемся, разойдёмся. — Монета перекатилась к большому пальцу и остановилась на ногте. — Так вот, обещания здесь даю только я. Разводимся мы, когда я скажу. А до тех пор делаешь, что я говорю, как я говорю и когда я говорю. Одно слово поперёк, и сделке конец.

— Что будет в этом случае? — облизнула я пересохшие губы.

— Ты сама предложила, что я могу убить тебя после похорон твоих врагов. — Он поднял на меня глаза. — Я запомнил.

Ответ жуткий, но хотя бы честный. Моро принял мою сделку целиком, со всеми условиями, только поменял местами, кто будет решать.

Меня опять запоздало начало мелко трясти. В основном колени.

— Согласна, — ответила я и протянула ему руку, как на деловой встрече, которые мы с Артёмом часто проводили.

Моро посмотрел на неё, потом неторопливо поймал монету в кулак и, сунув в карман, поднялся. Хромая, он подошёл ко мне и взял мою руку в свою горячую, огромную ладонь. Моя же утонула в ней целиком.

— Договорились, Зорина, — протянул он и, кивнув Тихому, вышел.

Тот задержался в дверях на секунду и последовал за своим хозяином, бросив на меня пустой взгляд.

Когда я осталась одна, долго вспоминала о том, что вроде бы и не говорила ему свою фамилию. В эту ночь я для всех работников, включая Лику, была безымянной танцовщицей.

Получается, он знал, кто я, даже когда спрашивал, кто меня прислал. Водил по моему лицу пистолетом, а сам уже был в курсе. Он изучал, смотрел, как я буду реагировать в стрессовой ситуации. Проверял меня с головы до ног.

Да что он за человек?!

Глава 10

Ника

Утром женщина, лет шестидесяти, принесла мне халат. Она же и привела меня в эту комнату ночью. Лицо у неё было строгое, вопросов не задавала. Как и сейчас. Просто положила халат на кресло, поставила рядом тапочки в целлофане и сообщила, что завтрак внизу. Уходя, мельком взглянула на пол, где драной тряпкой валялись мои вчерашние чулки.

Я ещё лежала в постели и натягивала простыню на себя. Оставшись одна, подошла к белому халату и потрогала его. Мягкий и толстый, а на кармане виднелась буква «М», вышитая золотыми нитками.

Интересно, для кого его тут держали? Вряд ли для Аси. Может, для тех девиц, что пытались затащить хозяина в загс?

Да и без разницы. Задвинув подальше все ненужные мысли, я надела его, ведь выбирать особо было не из чего. Ликин корсет висел на стуле, и лезть в него совсем не хотелось.

Сегодня я спала урывками. Наверное, вышло часа три. Надо признать, кровать в этой комнате была огромная, и это смущало. Я уже привыкла к узким койкам. А тут я могла перекачываться по ней несколько раз. Но что самое главное, здесь не было клопов.

Тем не менее сон вышел прерывистым и тревожным. Порезанную ступню я вчера промыла в ванной и замотала бин-

том, который нашла за зеркальцем в аптечке.

Сейчас же я осторожно спускалась, держась за перила, и всё ждала, что меня кто-то окликнет и спросит, куда я иду. Но этого не случилось.

Днём особняк выглядел по-другому. Даже и не скажешь, что он принадлежит бандиту. Солнечные лучи заглядывали в высокие окна, а за ними плескалось огромное синее море. Вид, как на открытке. Мрамор снова сиял, и от него отмыли мои красные пятна.

Красиво, конечно, только высокий забор и охрана говорили, что здесь вовсе не райское место.

Моро уже сидел на кухне в белой рубашке, закатанной до локтей. Я увидела татуировки, выползающие из-под неё. Он пил кофе, а перед ним лежала папка. Порез на скуле подсох.

А на столе был завтрак. Дымились горка сырников, сбоку стояли сметана, варёные яйца, ветчина и свежий хлеб. А ещё нарезанная дыня. Как будто праздник какой-то, но у таких людей это обычный день.

Последний раз я ела вчера, и то полпачки семечек на остановке. До этого считала каждый рубль, питаюсь дошираком и чаем без сахара, лишь бы дотянуть до зарплаты на работе, на которую так и не устроилась. На зоне хоть кормили три раза в день. А на воле выяснилось, что есть можно и раз, и то если всё хорошо.

— Садись, невеста, — бросил Моро, не поднимая взгляда от папки. — Остынет.

Я села на краешек стула и запахла поплотнее халат. Взяв один сырник, положила себе на тарелку и решила есть его, как приличный человек. Я ведь была когда-то из нормальной среды. Не аристократка, конечно, но манеры знала. Чай, не собака, чтоб кидаться на кость.

Но сырник растворился быстро, а за ним проскочил и второй. Потом я намазала хлеб маслом и положила ветчину, поверх кинула ломтик сыра. Следом пошли яйца. Я заметила, что уже ничего не соображаю, когда потянулась за третьим сырником. При этом мозг, кажется, совсем отключился, потому что я прикрывала рукой тарелку по отрядной привычке. В столовой зазеваешься, и пайка уйдёт соседке. Поняв это, я убрала ладонь, но она всё равно вернулась обратно. А я всё ела и ела.

Моро на это молча смотрел, отложив папку и откинувшись на спинку стула. Рядом с чашкой лежала его монета, но он даже её не трогал. Просто разглядывал меня, как в зоопарке. Но там животные дикие, я же ощущала себя облезлой кошкой, которая шарилась до этого по помойкам, а теперь пролезла на кухню. Да и плевать. Гордость у меня давно уже закончилась, а есть хотелось до жути.

— Не торопись, — протянул он. — Никто не отнимет.

— На зоне тоже так говорили, — ответила я с набитым ртом. — А потом отнимали.

Я всё проглотила и запила чаем, а потом взглянула на него.

— Или это последний завтрак? Приговорённым вроде положено.

— Этих товарищей у меня хуже кормят.

— Тогда откармливаешь, как поросёнка к празднику?

— Кстати, насчёт него. — Он отхлебнул кофе. — Праздник у нас, невеста, в субботу, а ты похожа на вешалку. Платье будет висеть.

— В субботу? — В горле застрял сырник.

— Через три дня. Ешь, у меня мало времени.

Я закашлялась, потому что сегодня была среда. Думала, что у меня хотя бы есть месяц, за который я как-нибудь привыкну к мысли, что выхожу замуж за человека, что вчера вошёл стволом по моим губам, а времени оказалось намного меньше.

Моро перелистнул страницу в папке и глубоко вздохнул.

— Ну что, Зорина. Давай знакомиться. Ты ешь, а я читаю. — И с этими словами он начал мне пересказывать всю мою биографию. — Мошенничество в особо крупном. Была директором «Юг-Терминала Логистик», разумеется, только на бумаге. Подписывала всё, что давал жених — Соловьёв Артём Анатольевич. — Уголок его рта дёрнулся, а у меня еда стала как резина на вкус. — Последние деньги отдала Лике. Она до утра просидела у Тихого и всё рассказала.

— Что с ней? — вырвалось у меня.

— Живая, но уволена. Правда, с деньгами на лечение дочки.

— С моими деньгами?

— Не смейся. Она их уже потратила, — цокнул Моро языком. — И Валька Сухая, твоя подруженька, сидит на зоне, а всё никак не угомонится. Никто, говоришь, тебя не прислал?

Я замерла, а потом выпалила:

— Она ничего не делала, просто сказала, кто враг этого Львовича.

— У него много врагов, а пришла ты ко мне. — Моро закрыл папку с хлопком. — И пришла ты вовсе не потому, что смелая. Просто тебе больше некуда идти.

Он был во всём прав, и хотелось в него чем-нибудь швырнуть увесистым. Но вместо этого я налила ещё чаю. Всё, что Моро сказал, я и так о себе знала, ничего нового, просто после его слов я физически почувствовала, какая у меня короткая и дешёвая жизнь.

— Инспекция, — вспомнила я. — У меня должна быть встреча в понедельник, а вчера меня не было дома.

Моро взял телефон и набрал номер, не глядя на экран. А затем откинулся на стуле.

— Андрей Евгеньевич? Моро. Не разбудил? — Послушав, что ему ответили в трубке, он хмыкнул. — Ну, извини. У тебя на учёте стоит Вероника Зорина. Вчера дома не ночевала. Так вот, она была со мной. Да, и в субботу я на ней женюсь, так что и место жительства сменит, бумаги тебе подвезут... И тебе не хворать.

Положив телефон, он посмотрел на меня своими серо-го-

лубыми глазами. Вот так всё решается в его мире. Один звонок, и проблемы как не бывало.

— В загсе же месяц ждать, — проямлила я.

— Кому месяц, кому нет. У нас будет выездная регистрация. К нам сюда приедут, отметим в саду. С загсом я уже всё решил.

— А если я не хочу... в саду?

— А кто тебя спрашивает?

И правда, что никто. Слава богу, жива осталась, и то хлеб. Но проверить же надо было.

— Теперь правила, — начал Моро. — Слушай и не перебивай, а потом можешь орать, мне всё равно.

Я вся напряглась, потому что новых условий не ждала. Халат сполз с плеча, и я быстро его дёрнула назад.

— Про месть забудь.

— Что?!

— Я сказал, не перебивай меня. — У него в пальцах оказалась монета, и она лениво заскользила, чуть блестя на солнце. — Пока не время. Что у тебя там в бумагах? Дай угадаю: подписи Соловьёва и бухгалтера, может быть, ещё и Львовича.

— Нет его там, только инициалы, — опустила я голову.

— Тем более. За две буквы Гронского даже на беседу не пригласят. Если ты отнесёшь это в прокуратуру, то через неделю тебя выловят где-нибудь в лимане. Может быть, бонусом Соловьёва, чтобы много не болтал. Но это такое себе

утешение. А Львович уедет в отпуск.

— Но это же доказательства...

— Это патрон, пепел, а ствола у тебя нет. Сама по себе ты можешь только громко греметь.

— Когда тогда? — подалась я вперёд и уставилась на него.

— Когда я скажу, ни минутой ранее.

— А Артём? Его-то можно хоть завтра брать. Там всё на нём...

— Тронешь Соловьёва, и Львович поймёт, что бумаги серьёзные и что они у меня. — Монета двинулась быстрее. — Сейчас он знает только, что какая-то баба сбежала из клуба с Моро. Оставим его гадать. Пока он ничего не знает, он будет вести себя осторожно, соответственно, взять его в лоб сложно.

— Значит, мне опять сидеть и ждать? Я три с половиной года...

— Будешь учиться.

— Чему?!

— Всему, чего не умеешь. — Моро смерил меня оценивающим взглядом. — Пока ты ничего не умеешь, кроме как шить тюремную робу и документы не глядя подписывать.

Щёки полыхнули, но возразить мне нечем, поэтому я прикусила язык и сидела молча, давясь собственной беспомощностью. Он был опять прав, и за это я его сейчас ненавидела даже сильнее, чем Артёма.

— Поехали дальше, — не стал ждать Моро, пока я со-

берусь. — Нужно придумать легенду. Если кто спросит, мы давно знакомы и я ждал тебя с зоны.

— И кто в это поверит? — фыркнула я.

— Люди верят во всё, что я говорю, — пожал он плечами. — Ты жила тихо при мне, пока не села, никто про тебя не знал. Вышла, и я женился. Кто спросит больше, ты моя женщина, и вопросов тебе больше не зададут.

— А если всё-таки...

— Тогда ты просто будешь улыбаться и молчать, а я им уже сам отвечу.

Он поднялся и, прихрамывая, прошёл у меня за спиной к кофемашине. Через секунду она зашипела, а я всё время смотрела в тарелку, переваривая всё сказанное. Чувствовала его физически у себя за спиной. На зоне опасно поворачиваться к некоторым людям спиной, поэтому у меня по привычке окаменели мышцы.

Он сделал несколько шагов ко мне и остановился. Халат снова съехал, и плечо оголилось. Моро взялся за воротник, чтобы вернуть на место, и его костяшки коснулись моей шеи, отчего меня всю подбросило. Да так, что вилка полетела на пол.

Не знаю как, но я уже стояла на ногах, вжавшись спиной в столешницу. Пульс стучал в висках, а ладони взлетели к груди.

Моро так и стоял с повисшей в воздухе рукой и только через секунду её опустил.

— Об этом и поговорим, — произнёс он, но не отошёл, лишь присел на стол рядом со мной так, что его колено оказалось возле моего бедра.

Подкинув монету, он выдал:

— Тело.

— Какое ещё... — У меня пересохло во рту.

— Твоё. Через три дня тут будут люди, которые всю жизнь смотрят, кто кого боится, а потом распускают неудобные слухи. Если жена шарахается от мужа, это видят все, поэтому она уже вряд ли может считаться женой. Скорее, это заложница. И таких не боятся. Их крадут.

— Я не понимаю.

Моё дыхание понемногу выравнивалось, но я всё равно слышала пульсацию сердца.

— И не надо. Этот вопрос решим. Дальше погнали. Ты будешь работать с людьми. С мужиками, которые будут тебя трогать, и тебе придётся им улыбаться. Если ты вот так подпрыгнешь там, завалишь дело и моих людей заодно. Мне нужно знать, что твоё тело слушается тебя, а пока им владеет только страх.

— А ты, значит, меня научишь, — выдохнула я и несмело посмотрела на него.

— Попробую по крайней мере.

— И как же?

— Узнаешь позже, будешь меня слушаться. — Он прожигал меня взглядом, и от этого становилось неудобно. — Ты

вчера пришла ко мне и сама предложила жизнь. Я её взял, остальное прилагается.

Я опустила глаза на его большую и смуглую руку со сбитыми костяшками. Вчера ночью она прижимала мне голову к коленям, пока заднее стекло били пули. И держала пистолет у виска. Хотела убить и спасти. Я не доверяла ей.

— Тело можно, — закончил Моро. — Душу нельзя. Никаких чувств ни ко мне, ни к кому бы то ни было.

— Боишься, что влюблюсь? — попыталась усмехнуться я, но вышло криво.

— Боюсь, что ты дура, — постучал он пальцами по папке. — Ты уже один раз села за любовь, Зорина. Взяла на себя чужие грехи во имя большого и светлого чувства, потому что жених попросил. Второго раза на своей территории я не допущу. Влюблённая баба — это лодка с дырой. Сама тонет и всех остальных топит.

Мне будто плеснули в лицо холодной водой. Он даже не повысил голос, а у меня было ощущение, словно на меня наорали и вытерли ноги о моё достоинство.

— Не бойся, — сглотнула я и посмотрела прямо перед собой. — Меня от любви уже вылечили. Курс длился три с половиной года. Прошёл успешно. Рецидивов не будет.

— Вот и хорошо.

— А тело... — Я перевела взгляд на него. — Его можешь забрать. Одним хозяином больше, одним меньше. Без разницы.

Монета у него в пальцах запнулась на полсекунды и тут же заскользила дальше. А может, мне показалось.

— Не нравится — выход там. — Моро кивнул на дверь.
— Бумаги свои найдёшь сама и побежишь с ними до первой тонированной машины.

Взглянув на дверь, я мотнула головой и села обратно за стол.

— Сырники остыли, — буркнула я. — Попроси, чтобы подогрели.

Моро хмыкнул и произнёс:

— Доедай так, невеста.

В этот момент в дверях возник Тихий.

— Её вещи у Розы, — сообщил он Моро, не глядя на меня.
— Съездить за ними?

— Да, сгоняй быстро.

— Там очки мамыны в футляре, — вырвалось у меня. — Не выбрасывайте их, пожалуйста. Они... в общем, осторожнее с ними.

Тихий перевёл на меня мусорно-пакетный взгляд, но ничего не ответил и вышел. А я уткнулась в тарелку, продолжая ковырять холодный сырник. Он был вкусный. Я за четыре года такого не ела. И от этого почему-то стало совсем тошно.

Следующие три дня прошли как в калейдоскопе.

Мне привезли вещи в тот же день. Даже те, что остались на складе. Сверху аккуратно лежал мамин футляр. Тихий проходил мимо меня, как будто я мебель.

После обеда пришла Ася, и я наконец-то её рассмотрела. У девушки была смуглая кожа и светлые глаза, похожие на глаза Моро. И от этого стало совсем непонятно, кто она ему.

С ней в мою комнату зашли портниха с вешалкой на колёсиках, парикмахер и маникюрша с чемоданчиком.

— Я Ася, — улыбнулась она. — Вчера толком не познакомились. Моро попросил помочь с платьем, сам он в этом ничего не смыслит. — Девушка наклонила голову. — Я ему как сестра.

То есть не родственница. Уже стало попонятнее.

Улыбалась Ася тепло и по-домашнему, а глаза в это время спокойно прошлись по мне и остановились на обкусанных ногтях, потом двинулись дальше. Она смотрела на меня, как на непрошеную гостью, перед которой надо вести себя прилично. Сёстры так не смотрят.

Но тут же я одёрнула себя за такие мысли. Откуда мне знать, как смотрят сёстры, если у меня их никогда не было. Может, у них так принято. Или я просто одичала за три с половиной года и уже во всём вижу подвох.

В колонии я быстро научилась видеть, кто улыбается и при этом прикидывает, как тебя продать, но тут мне надо было выходить замуж, а не делить пайку.

Мне привезли три белых платья.

Когда-то в двадцать три я вырезала из журнала фотографию свадебного платья и положила её в ящик стола. Мне оно очень нравилось, потому что на нём красиво шло кружево по

рукавам. Тогда казалось, что Артём вот-вот сделает предложение, и надо быть готовой. Но ничего так и не произошло. Перед тем, как отправить меня за решётку, только пообещал с три короба.

А сейчас на меня натягивали белое платье, чтобы выдать замуж за бандита, который ещё вчера чуть не вышиб мне мозги. Мечты сбываются. Хотя в каком-то извращённом виде.

Ася выбрала за меня узкое и простое платье из белого шёлка, с открытыми плечами.

— Вот это, — решила она. — Остальные на тебе висят.

Да, у меня была нестандартная фигура. На груди ткань натягивалась, а в других местах лишь кожа да кости.

Портниха ходила вокруг с булавками во рту и ушивала.

Маникюрша взяла мою руку, посмотрела на ногти и вздохнула. Затем полтора часа колдовала над ней. Пилила, подклеивала и покрывала бледно-розовым лаком. Когда закончила, я долго разглядывала свои пальцы, не узнавая их.

— Не грызите больше, — попросила она. — Жалко работу.

— Постараюсь, — пообещала я и в этот же вечер поймала себя на том, что обкусываю указательный палец, стоя у окна.

Глава 11

Ника

Ела я все эти дни как не в себя. Приходила на кухню и сметала всё, что давали. Женщина, что приносила мне халат — звали её Лидой — в конце концов начала мне ставить тарелку побольше.

По вечерам Моро устраивал мне экзамен.

— Где познакомились? — спрашивал он, крутя монету.

— В «Юг-Терминале». Ты приезжал по делам к Артёму, и я носила тебе кофе.

— Дальше.

— Ты на меня посмотрел.

— И?

— И всё, — пожала я плечами. — Ты же Моро. Посмотрел, и я поняла, что влюбилась.

— Годится. Что было потом?

— Ты ждал меня три с половиной года.

— Писал тебе?

— Каждую неделю.

— Моро не пишет писем, — посмотрел он на меня.

— Тогда я писала, а ты не отвечал.

— Вот это похоже, — хмыкнул мужчина.

Иногда у двери сидел Тихий и слушал. Один раз, когда Моро вышел ответить на звонок, он впервые заговорил со

мной.

— Ты ему не нужна, — сообщил он спокойно. — Ему нужны твои бумаги. Как только он их получит, ты станешь бесполезной. Запомни это.

— Спасибо за инструкцию к боссу, — съязвила я.

Больше он не проронил ни слова.

Ко мне в комнату Моро не заходил. Ну и ладно. Это даже хорошо. Значит, ему пока моё тело не нужно.

С этими мыслями я спокойно засыпала.

В субботу утром парикмахер принёс коробку с украшениями. Там были шпильки с жемчугом, гребни с камнями. Он долго прикладывал всё это к моей короткой стрижке и грустно вздыхал.

— С вашей длиной, конечно, сложно, — бормотал парень. — Вам бы ещё полгодака...

— Нет у нас полгодака, — отрезала Ася из кресла.

Запустив руку в коробку, я нащупала то, что мне нужно. Вытянула длинную заколку из тёмного металла. Сверху её украшал гладкий серый камень, а внизу она сходилась в иглу. Я тронула кончик подушечкой пальца, и на коже выступила красная точка.

Острая, как шило. Такой можно и убить. На зоне одна девочка из соседнего отряда заточила о бетон черенок ложки, и её потом все боялись. Тогда я её не понимала, а сейчас смотрела на заколку и осознала, что мне с ней будет спокойнее в этом бандитском мире.

— Эту, — решила я.

— Ой нет, — поморщился парикмахер. — Она мрачная.
К белому бы жемчуг.

— Эту! — настояла я.

Ася улыбнулась и пожала плечами.

— Сделай, как хочет невеста.

Парикмахер закрутил прядь и, прихватив её заколкой, закрепил. Я посмотрела в зеркало. Лицо было накрашено блестящими тенями и помадой, но это всё равно будто бы не я. А над ухом торчал кончик иглы, который, кроме меня, никто не принимал всерьёз. Это первая вещь, что мне понравилась за её опасность.

Сама виновата, что стала такой. Да нет. Не сама. Мне в этом хорошо помогли.

Они все ушли, а я осталась одна в халате и с готовой причёской. Платье висело на плечиках в шкафу. В саду уже слышался звон бокалов.

В дверь постучали и сразу же открыли. На пороге стоял Моро в чёрном костюме и белой рубашке. Галстука не было, а ворот он расстегнул. Если бы не знала, кто он, решила бы, что это жених из какой-то крутой рекламы.

В его руках виднелась чёрная коробочка. Наверное, это кольцо. И как-то по-глупому стало трудно дышать, ведь кольцо в фиктивном браке — просто железяка, тем не менее сердце предательски ухнуло.

— Держи, — бросил он и положил коробочку на туалет-

ный столик передо мной.

Открыв её, я увидела...

Нет, это было не кольцо. Там лежала маленькая розовая и плоская игрушка, а рядом с ней пульт с одной кнопкой.

Я долго пялилась на это, ничего не понимая, а потом подняла глаза на Моро.

— Что это?

— А ты не знаешь? — приподнял он бровь. — Я думал, у девочек в твоём возрасте должен быть широкий кругозор.

— Я знаю, что это. Спрашиваю: зачем?

— Сегодня экзамен.

Сунув руки в карманы, Моро прислонился плечом к шкафу.

— Через час там соберётся сорок человек. Все будут оценивать то, как ты стоишь, улыбаешься и смотришь на меня. Будет камера и один человек из газеты, которого я сам позвал.

— Из газеты? Зачем?

— Чтобы завтра весь город знал, что Моро женился. До Львовича тоже эта информация дойдёт. — Монета сама откуда-то материализовалась и поплыла по костяшкам. — Ему теперь придётся тронуть не обычную девчонку, о которой забудут, а жену Моро. А за это отвечают.

Это своеобразный щит, и вот, значит, как это работает. Мало поставить штамп, надо, чтобы его увидели все.

— А это тут при чём? — кивнула я на коробку.

— Ты будешь улыбаться гостям и газетчику. Будешь изображать счастливую невесту, которая дождалась своего... А пульт будет у меня.

Жар расплылся по моему лицу.

— Ты больной, — выдохнула я.

— Возможно. Но помни, хищник владеет собой в любых условиях, Зорина. Где угодно, перед кем угодно и что бы с ним ни делали. Я — владею, а ты?

— А если я это не надену?

— Тогда никакой регистрации. — Моро кивнул на дверь. — Выход там, и я тебе его уже показывал.

Вот же... мерзавец! Но сделка есть сделка.

Там, на другой стороне, меня ждала серая тонированная машина, мамина могила с мешками под табличкой, Роза с клопами и Андрей Евгеньевич, который вспомнит о моём нарушении, как только Моро перестанет ему звонить. Здесь-то хотя бы один он. И так просто ему меня не сломать.

Хотя, думаю, именно это Моро и готовился увидеть: как я разревусь и кинусь прочь, а может, начну истерить. Я видела это по его спокойному лицу. И меня это взбесило.

Но было и ещё одно, то, в чём признаваться ему не хотелось. Почти четыре года меня никто не трогал. Последний раз мы занимались сексом с Артёмом за две недели до ареста. Это всё проходило в спешке, между его звонками. Я уже полагала, что эта часть меня в колонии умерла. Когда три дня назад Моро коснулся моей шеи, я шархнула от него,

а потом ночью лежала и вспоминала каждую деталь, отчего накрывало стыдом.

Взяв розовую штучку в руки, я закрыла коробку.

— Отвернись, — взглянула я на него.

— Я видел голых баб, невеста.

— Но не видел меня. — Я вздёрнула подбородок. — И сегодня не увидишь.

Моро хмыкнул и, отлепившись от шкафа, пошёл к двери.

— Пять минут, — бросил он и исчез.

А я закрыла глаза и дала себе несколько секунд, чтобы остыть, потому что внутри бурлила злость.

Ну что, Вероника. Хотела замуж? Вот и получила. Наслаждайся.

Через пять минут я спустилась в сад. Платье приятно струилось по коже. Всё как в красивом кино. Впереди я видела белые стулья, что шли двумя рядами по траве, и всё это упиралось в шикарную арку из цветов на самом краю обрыва, за которым о скалы билось море. Солнце жарило, и гости обмахивались кто чем мог, негромко переговариваясь. Женщины все в шелках, мужчины в дорогих костюмах. Прямо картинка люксовой жизни. Кто увидел бы, обзавидовался. Да и я, что греха таить, всегда смотрела на такие фотографии и думала, какие же счастливые женщины. В моём случае всё это было лишь красивой иллюзией, за которой прятались совсем иные чувства.

Как Моро смог собрать столько людей за три дня? И все

они разнесут слухи о том, что видели. А вон и газетчик с фотоаппаратом.

Ноги у меня были ватными, и при каждом шаге я ощущала игрушку в трусах. С ужасом думала, что будет, когда он нажмёт кнопку.

Держись, Зорина. Он ещё ничего не сделал.

Меня никто не вёл по проходу. Отца я не помнила, а мама умерла. И я шла одна между рядами незнакомцев, а они оборачивались на меня и провожали глазами.

В первом ряду сидела Ася в серебристом платье и, как кукла, улыбалась пластмассовой улыбкой. За спиной Моро стоял Тихий с таким видом, будто на поминках.

Сам жених ждал меня у арки, заложив руки за спину, и внимательно смотрел, как я иду. В какой-то момент одна его рука исчезла в кармане пиджака, и игрушка ожила, пробив низ живота искрами. Отчего подогнулось одно колено, и я споткнулась на ровной дороге. Сбоку кто-то ахнул, а я залилась краской, но выпрямилась, улыбнулась и пошла дальше.

Звука слышно не было, потому что где-то сзади играли скрипки. Даже это смог организовать.

От каждого шага разливалась по телу горячая волна, но через мгновение всё закончилось так же внезапно, как и началось, и его рука вынырнула из кармана.

Когда я дошла до арки, ноги дрожали так, что пришлось вцепиться в его локоть. Со стороны, наверное, это выглядело очень трогательно. Как будто невеста от волнения еле стоит

на ногах, но внутри накатили злость и стыд за собственное тело. Не смогла с ерундой справиться.

— Спокойнее, Зорина, — шепнул он мне в макушку. — Люди смотрят.

— Я тебя убью, — прошептала я в ответ, улыбаясь в камеру.

— Какое громкое и бестолковое заявление. Но ты сначала похорони своих врагов, а дальше поговорим.

На регистраторше был бордовый костюм. Высокая причёска выглядела немного нелепо и старомодно, а в лице читалась растерянность. Свадьбу под охраной и в подобном месте она явно проводила впервые. Женщина раскрыла папку, откашлялась и заговорила певучим голосом:

— Уважаемые жених и невеста...

Дальше я её почти не слушала, всё смотрела на море у неё за спиной. Сердце стучало, и я следила за его рукой. Пока она на виду, ничего не произойдёт.

— Роман, является ли ваше желание вступить в брак искренним, взаимным и свободным?

Кто? Роман? Так вот как его звали. Я даже на секунду застыла. У зверя было человеческое имя и совершенно обыкновенное. Оно ему определённо не шло.

— Да, — ответил Моро.

— Вероника, является ли ваше желание вступить в брак искренним, взаимным и свободным?

Ха! Всё мимо. Ни одного слова правды. Ну и ладно, всё

это дурацкие условности.

— Да, — произнесла я.

— Прошу обменяться кольцами.

Тихий протянул маленькую подушечку, и Моро, взяв кольцо, надел мне его на палец. Оно было чуть велико, и я поджала палец, чтобы не свалилось.

Его же кольцо я надела дрожащими руками, никак не могла попасть, а он спокойно ждал, пока я справлюсь, и внимательно смотрел на меня.

— С согласия сторон, — пропела регистраторша, — невеста принимает фамилию мужа. Отныне вы супруги Морозовы.

Меня никто не спрашивал, какую фамилию я хочу взять. Зориной теперь нет, и я узнала об этом вместе с гостями. Значит, буду Морозовой.

Моро... Вот откуда прозвище.

Грянули аплодисменты, и тут на задних рядах поднялся грузный мужик и гаркнул на весь сад:

— Горько!

Толпа тут же подхватила, а я похолодела. А ведь об этом я не подумала.

Но не успела я подготовиться, как почувствовала пальцы Моро на своём подбородке. Он поднял его и посмотрел мне в глаза. Секунда, и он поцеловал меня.

В тот же миг внизу ожила игрушка. И меня ошпарило горячей волной, отчего всё тело дёрнулось к нему. Я вцепилась

в его лацканы, и из горла вылетел стон прямо ему в рот. Хорошо, что все орали и никто, кроме него, не услышал.

Его губы были твёрдые и сухие. Пахло от Моро кофе и дорогим парфюмом. Он целовал меня неторопливо, по-хозяйски, будто делал это сотню раз, а я не могла ни оттолкнуть, ни ответить. Просто держалась, чтобы не упасть.

Толпа досчитала до десяти, и Моро отпустил мои губы, а волна схлынула.

Я дышала ртом. Во мне клокотал гнев, смешанный с унижением и горячим искушением, потому что внизу всё медленно отпускало. Лицо при этом горело, как у молодой девушки.

Газетчик щёлкал, не переставая, а гости хлопали. Ася искусственно радовалась.

Наклонившись ко мне, Моро прошептал:

— Улыбайся, жена. Ты же дождалась.

Я подняла на него глаза и растянула губы, совершенно не понимая, как у меня это получилось.

Дальше пошёл банкет. Его накрыли на террасе под белым навесом. По бокам стояли длинные столы, украшенные свечами в стеклянных колбах. Там же ведёрки со льдом. Официанты разносили шампанское, а скрипичный квартет продолжал играть что-то мягкое. Что-что, а вкус у Моро, конечно, есть.

Я сидела рядом со своим женихом во главе стола и держала в руке бокал, из которого не сделала ни глотка. Если

выпью, то уже не удастся играть влюблённую жену.

Ещё я быстро научилась следить за его рукой. Как только монетка исчезала в кармане, надо было готовиться.

И Моро этим пользовался с напускной ленью, давая перемены. Уже нажимал кнопку без всякой системы. То пробегал резвый, но короткий импульс, пока ко мне наклонялась поздравлять жена какого-то капитана. И тогда я сжимала бокал так, что боялась его разбить. То оставит надолго, но слабо. В эти моменты я слушала тосты, улыбалась, а внутри меня всё медленно разгоралось и никак не могло затихнуть и сбросить напряжение. То опять ничего минут десять. В них я думала, что Моро уже наигрался. А он ждал, когда я расслаблюсь.

При этом сам он ел, пил, разговаривал с гостями и смеялся. Выглядел он так, словно наслаждается и отдыхает на собственной свадьбе. Ни разу не посмотрел на меня, когда рука уходила в карман. Будто это и не он вообще, а я ему совсем не интересна.

Где-то к середине вечера я нашла способ перестать гореть и направить свой огонь в другое русло. Я стала думать об Артёме и вспоминать, как он протягивал мне пять тысяч рублей. В голове звучал его голос из голосового сообщения.

И это помогло. Горячее возбуждение внизу никуда не исчезало, но оно охлаждалось ледяной ненавистью. Я улыбалась, а внутри у меня сталкивались жар и мороз, и пока второй побеждал.

Кажется, Моро это почувствовал. Его рука исчезла в кар-

мане и больше оттуда не выходила. Меня всю скрутило, и мышцы окаменели, потому что из маленького уголька раздувалось пламя. Лёд треснул.

— Вероника! — услышала я певучий голос Аси.

Она подошла с бокалом, а за ней, будто случайно, пристроился газетчик.

— Я хочу сказать тост, — объявила девушка, и за столами все притихли. Она окинула всех взглядом и остановилась на мне. — Моро для меня всё. Он моя семья, и у меня больше никого нет. И я очень... рада, что теперь в нашей семье есть ты.

Гости захлопали, а Ася потянулась ко мне с бокалом, глядя на меня светлыми глазами. У неё была тёплая улыбка, а взгляд оценивающий.

Но всё это во мне ушло на второй план, потому что внизу у меня полыхало, и я держала бокал двумя руками, чтобы не расплескать.

Чокнувшись с ней, я выдавила:

— Спасибо, Ася.

— А можно вопрос невесте? — подскочил газетчик с диктофоном в руке.

Да чтоб тебя! Как же ты не вовремя. Хотя с Моро вряд ли что-то можно предугадать.

— Как вы познакомились? Это нужно для читателей. Такой человек, как Моро, и вдруг женился. Весь город удивляется.

Все замолчали. Моро даже не пошевелился, а я сжала бёдра, пытаюсь справиться с растущим экстазом.

Внутри всё туго двигалось к пику, и сейчас я балансировала на лезвии, где уже едва всё удерживала. По спине ползли капли пота, дрожали колени. Но на меня смотрели сорок человек, и диктофон светился красной лампочкой.

— Мы... — Голос сорвался. — Мы познакомились на работе. Это было очень давно...

Не договорию. Сейчас начну стонать или меня всю выгнет. И он это знает, для этого всё и затеял.

И тогда я засмеялась, а из глаз брызнули настоящие слёзы. Я прижала ладонь к губам, будто бы не могла сдерживаться от чувств. Так оно и было, только чувства накатывали совсем другие.

— Простите, — выдохнула я. — До сих пор не могу поверить, что всё это правда.

Гости заулыбались, а жена капитана полезла за платком. Со стороны, наверное, выглядело так, будто невеста три с половиной года грезилась об этом моменте и теперь не может сдержать слёз.

— Он меня ждал, — договорила я, глядя на диктофон. — Больше мне сказать нечего.

Под столом у меня тряслись колени, но голос больше не дрожал.

Газетчик щёлкнул ещё раз и отошёл. Ася тоже вернулась на своё место. А внизу всё резко оборвалось. И я чуть не

сползла со стула от облегчения. Рука Моро уже лежала на скатерти.

Повернув ко мне голову, он впервые за весь вечер посмотрел на меня долгим взглядом. Потом взял мою ладонь, поднёс к губам и поцеловал костяшки. Так обычно муж выражает свою любовь к жене. Но у нас ничего не было. Играл он и правда хорошо.

Гости снова захлопали, тронутые этим моментом.

А я в эту минуту поняла, что ненавижу его всем своим естеством. Ему было совершенно необязательно целовать мои пальцы, легенда и без того бы выдержала, но зачем-то он решил её закрепить.

К полуночи гости разъехались, а на море опустилось тёмное полотно с вкраплениями звёзд.

Моро сам проводил меня до двери, хромая сильнее, чем утром. Мне хотелось скинуть это шёлковое платье и натирающие туфли, а ещё отдохнуть, потому что тело гудело, как будто по нему шёл ток. Весь вечер он доводил меня до обрыва и не пускал за него. Сейчас уже ничего не происходило, а напряжение не спадало.

У двери Моро остановился и, достав из кармана пульт, выключил его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.